

Евгений Юнга

05117

40 50 .

28256

КОЛУМБОВСКИЕ
РОСССКИЕ

Детск.кориздат
1941

БИБЛИОТЕКА КРАСНОФЛОТЦА

ЕВГЕНИЙ ЮНГА

КОЛУМБЫ РОССКИЕ

*Эпизоды исторической хроники
XVIII века*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ВОЕННО-МОРСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКВМФ *Союза ССР*

Москва 1941 Ленинград

ОТ АВТОРА

Штилевым июньским вечером 1934 года краснознаменный ледорез «Федор Литке» поднимался на север Тихого океана к Берингову проливу, чтобы стартовать от мыса Дежнева в исторический сквозной поход по Северному Морскому пути с востока на запад в одну навигацию.

Вахтенный штурман, определив широту и долготу, перегнулся через планшир мостика и сообщил участникам экспедиции, вышедшим на ботдек подышать свежим воздухом:

— На траверзе Командоры.

Мы глянули в темнеющую даль. Расплывчато волнистой виднелась линия горизонта. За ним, невидимые, лежали Командорские острова, где закончил свой жизненный путь Витус Ионас Беринг.

— Колумб Русский, — торжественно произнес розовощекий младший механик. — Так назвал Беринга Ломоносов.

— Во множественном числе сказано Ломоносовым: Колумбы Русские, — подходя к нашей группе, отозвался на реплику юноши пожилой ученый. — А что вы знаете, друг мой, о товарище Беринга Алексее Ильиче Чирикове?

Механик смущенно признался, что ему неизвестно даже имя Чирикова.

Не более механика знали о соратнике прославленного капитан-командора и все мы, кто находился на ботдеке.

— История великих открытий насчитывает немало пасынков, — поучительно проговорил ученый. — Имени Чирикова нет на географических картах. Оно забыто, хотя и значится первым среди имен «птенцов гнезда Петрова» — Степана Малыгина, Алексея Нагаева, Василия Прончищева, Харитона и Дмитрия Лаптевых. Судьба, на чье коварство сетовал Беринг в последние годы своей жизни, послала ему в спутники талантливого исследователя-натуралиста, адъютанта Академии Наук Стеллера. Последний обогатил плавание Беринга научными наблюдениями и обстоятельным дневником вояжа флагманского корабля. Не то было с походом Чирикова. На борту пакетбота, которым он командовал, подвизался называвший себя профессором астрономии невежда и алкоголик Делиль, зачисленный в экспедицию по протекции своего брата — географа. Дневник Стеллера несравним с отрывочными записями шканечного журнала пакетбота Чирикова. Причина понятна. Делиль беспробудно пьянствовал и не прикасался к перу, а морякам было некогда заниматься дневником: едва хватало сил на борьбу с цынгой и непогодами. Будь же Стеллер на месте невежественного хвостуца Делиля, сгоревшего от пьянства в день возвращения пакетбота из Америки на Камчатку, не сомневаюсь, что тень капитан-командора не заслоняла бы в течение двух столетий мужественное имя и дела Алексея Ильича Чирикова.

Страстная речь обычно молчаливого ученого изумила нас; он же, видя, что овладел общим вниманием, охотно продолжил рассказ о наших предшественниках на Тихом океане. Честь пятидесяти шести важнейших географических открытий в его широтах, в том числе Берингова пролива, Камчатки, Анадыря и т. и. Русской Америки (от мыса Хоп на Аляске до форта Росс в Калифорнии на параллели нынешнего Сан-Франциско), Сахалина, Командорских, Курильских, Алеутских, Шантарских и прочих островов северной части Тихого океана,

Татарского пролива, побережий Охотского моря, Уссурийского края, Квантунского полуострова, наконец тропических «островов Россиян» в Южном полушарии и материка Антарктиды принадлежала нашим морякам, а количество их кругосветных вояжей превысило число таковых у двух крупнейших морских держав вместе взятых — Англии и Франции. Дальние походы русских кораблей были школой блестящих моряков XIX века — Крузенштерна, Лисянского, Беллинсгаузена, Лазарева, Нахимова, Коцебу, Литке, Невельского, Врангеля, Головнина, Макарова, чьи деяния поставили наш флот наравне с лучшими флотами мира. Мы увидели сквозь призму слов ученого о прошлом отечественного мореплавания героинку русских людей, самоотверженно расширявших горизонты человечества, и с необычайной остротой ощутили тогда значимость сквозного похода, участниками коего являлись. Страна поручила нам проведать на всем протяжении Великий Северный Морской путь, чтобы затем превратить его в трассу нерушимого взаимодействия советских флотов Дальнего Востока и Запада и, одновременно, решить одну из тех транспортных проблем, которые знаменуют собой дальнейший прогресс человечества.

Сквозной поход «Литке» был успешно завершён. Мечта гениальных умов прошлых поколений — Петра Первого, Ломоносова, Менделеева — стала явью сталинской эпохи. Рассказ ученого — участника нашей экспедиции — я запомнил навсегда. Результат его — эта книга, первая часть хроники географических открытий, совершенных в XVIII и XIX веках русскими людьми на Тихом океане.

ГЛАВА I

СУД ЧЕСТИ

... Вы горьку казнь себе
изменой заслужили...

Ломоносов

На рассвете ненастного январского дня 1714 года командиры линейных кораблей были призваны на кригс-рехт¹ в мазанковую башню Адмиралтейства.

На середине подобного кают-компаний зала, за длинным столом, накрытым зеленым сукном, глубоко уйдя в кресло, восседал тучный белобрысый моряк, опоясанный голубой лентой. Алмазы на его орденах и шпаге отливали пламенем свечей. То был герой штурма Выборга, генерал-адмирал флота, царев шурин и сват Федор Матвеевич Апраксин. Прищуренные глаза генерал-адмирала зорко глядели из-под косматых бровей на дверь, откуда кланяясь, входили озябшие командиры. Слева от Апраксина, уткнув подбородок в кружевные обшлага, дремал размякший после ночного кутежа капитан-командор Александр Мешников. Рядом с ним, пытаюсь придать добродушному лицу выражение строгости, чинно сидел безупречный — от буклой напудренного парика до кончиков ботфорт — капитан-лейтенант

¹ Военный суд; на разговорном языке того времени кригс-рехт, по чьему приговору предавали казни людей, повинных в преступлении против чести флота.

Витус Беринг, старший офицер флагманского корабля «Рига». Невдалеке от Беринга, почесывая концом гусиного пера щеку, примостился старый адмиралтейский канцелярист Гаврило Семенов. Кресло справа от Апраксина пустовало.

Командиры, отвесив поклоны генерал-адмиралу, расселись на лавках под зеркалами, закадили глиняными трубками-носогрейками и, ожидая открытия кригсрехта, чаще, чем следовало, поглядывали в противоположную сторону зала, где у окна стоял высокий плотный человек, в мундире гвардейского офицера, без всяких отличий. Лицо человека было неясно в сумраке неосвещенной части зала, но тень на стене за столом повторяла конвульсивную дрожь кудрявой головы. По ней и по исполинской фигуре моряки угадали царя или, как ему было угодно именовать себя в стенах Адмиралтейства и на кораблях, шаутбенахта¹ Петра Алексеевича Михайлова.

Близилось зимнее невское утро. Часы на вышке мазанковой башни прозвонили пять раз.

Едва замер отзвук последнего протяжного удара, Апраксин, выйдя из-за стола, направился к угловому окну.

— Призванные господа командиры налицо, — тихо доложил он. — Не пора ли кригсрехт держать нам?

Петр, повернувшись к нему, сказал, растягивая слова:

— Вспомнил я, что покойный Федор Алексеевич² пред кончиной своей завещал. Наше Российское государство пред многими иными землями преизобилует и людьми способными, которые донныне втуне пребывают. Своих птенцов плодить надобно неустанно, дабы не кланяться вековечно тем ярыжкам заморским. Поручаю исполнение сего тебе, сваток. Вторую навигацкую школу на манер московской учредить на Неве, учить детей

¹ Контр-адмирала.

² Ф. А. Головин, первый генерал-адмирал русского флота.

в классах математическим искусствам всяким, географии. знанию членов корабельного гола¹ и таке-лажа...

Приметя движение у двери, Петр оборвал разговор. Его круглое лицо сделалось скучным и злым, верхняя губа оттопырилась, выпятив короткие усики.

Он быстро шагнул к столу, куда приближались окруженные гвардейской стражей трое подсудимых: впереди, сурово глядя перед собой, шел высокий, чуть пониже Петра, вице-адмирал Корнелий Крюйс; следом сутулый и длиннорукый капитан-командор Вейбрант Шелтинг, с виноватой улыбкой озирающий мориков; последним, теребя рыжие бакенбарды, третий флагман флота, плепивый и надменный Авраам Рейс.

Стража подвела их к столу. Говор в зале прекратился. Минуту, пока Петр и Апраксин занимали места, длилось молчание.

— Изволь вычесть, Гаврило Семенов, об том, что учинено на прошлых крингсрехтах, — распорядился генерал-адмирал.

Канцелярист, вскочив, принялся чигагь протоколы тридцати девяти заседаний чрезвычайного суда над тремя флагманами.

Дело было конфузное. Полугодом ранее эскадра из восьми вымпелов, следуя от Кронштадта к Ревелю под флагом вице-адмирала Крюйса, обнаружила на траверзе острова Гогланд три неприятельских корабля. Шведы, завидя русских, повернули вспять. По сигналу Крюйса эскадра пустилась в погоню. Вблизи Гельсингфорса, когда противник находился на расстоянии пушечного выстрела, флагманский корабль «Рига» сел на камень. Та же участь постигла «Выборг», шедший под командованием Шелтинга, и «Эсперанс». Старшим на эскадре остался капитан-командор Рейс. Шведы были в его руках, стоило только взять их корабли на абордаж.

¹ Корпуса.

Однако Рейс прекратил преследование, а Крюйс и Шелтинг не отменили его приказа. Шведы, не теряя времени, сломя голову улепетнули в лабиринт шхер. Конфузия завершилась гибелью «Выборга» на камнях: пятидесятипушечный корабль пришлось разоружить и сжечь. Петр, узнав обо всем, собрался было вздернуть флагманов под рею, но был удержан рассудительным Апраксиным. Генерал-адмирал упросил отложить расправу до закрытия летней кампании на Балтике. Так и порешили.

Тридцать девять суток не утихали жаркие споры в мазанковой башне. Флагманы отпирались, хотя вина их была несомненна. Рейс, как выяснилось, просто-напросто струсил. Шелтинг и Крюйс пренебрегли прямыми обязанностями, о чести флота не помышляли, служили ради жалованья и, копя деньги, избегали рискованных баталлий. Немало навредила Крюйсу вражда с штурманахтом галерного флота Боцисом. Оба ненавидели друг друга до такой степени, что Апраксин еще летом писал Петру: «Вице-адмирал и галерный штурманахт такую имеют противность, что уже письменно объявили один другого за изменника». Годом раньше истории на камнях Крюйс проворонил три шведских фрегата близ Выборга. Боцис подал о том рапорт, но, не ведая тонкостей лавировки под парусами, не сумел доказать вины вице-адмирала. Рапорт был предан забвению; теперь и его, на горе Крюйсу, извлекли из-под архивного спуда.

— ... По сентенции оказались они виновными, — устало закончил канцелярист чтение последнего протокола.

Поднялся, держа лист с приговором, Апраксин.

— Вице-адмирал, — произнес он ледяным тоном, — многократно сказывал нам, что ничего противно Морскому Уставу не учинил, но в кампанию доказал не малыми случаями, что не исполнил долга своего. Посему ... — Апраксин поднес лист ближе, беззвучно по-

шевелил губами, затем прочел вслух: — За сию конфузию и разные преступления обязанностей своих и по несостоятельности оправданий вице-адмирала Корнелиуса Крюйса приговорить на основании первого артикула к потере жизни.

Крюйс гордо вскинул голову.

— Господа кригсрехт, подавайте голоса. — Апраксин вызвал младшего по чину судью. — Капитан-лейтенант Витус Беринг?

По залу скользнуло движение. Моряки знали о дружбе датчанина с вице-адмиралом. Вместе с ним и Апраксиным Беринг участвовал в Азовском походе против турок, был принят во флот в 1704 году унтер-лейтенантом по рекомендации Крюйса, а до того плавал под его начальством в Ост-Индию на голландских кораблях.

Перехватив усмешку на тонких губах Крюйса, капитан-лейтенант побелел.

— Господину вице-адмиралу уповать надлежит на милость его величества за прошлые немалые отличия, а за сию конфузию осуждения достоин.

Крюйс иронически поклонился.

Петр испытующе глянул на расстроенного капитан-лейтенанта и обежал взглядом зал. Командиры не шелохнулись, но глаза договаривали за них. Симпатии иностранных мореходов были на стороне осужденного вице-адмирала.

— Капитан-командор Александр Меншиков?

Царский любимец, высвободив подбородок из кружев, обвел рукой вокруг шеи. Жест был предельно ясен.

— Шаут-бей-нахт Петр Михайлов?

— Сказать смерть, — мрачно буркнул тот.

Крюйс вновь поклонился.

— Участь моя, — почтительно проговорил он, — всецело во власти вашего величества. Счастье и несчастье в баталии и жизни состоит в случае. Адмирал Шифель флота не нашего, о чем многие помнят, по-

терял свой корабль на клипе¹, да чуть что не всех и людей погубил.

— Окольный Засекин свинным ухом подавился, а Ивана Ивановича Бутурлина палаты задавили, — насмешливо прервал его Петр и, уставясь в зал, вызывающе закончил: — Кому деньги дороже чести, тот оставь службу. А деньги брать и не служить — стыдно!

— Капитан-командора Шхелтинга, — продолжал Апраксин, — поелику оный получил от вице-адмирала ордер на командование эшквadroю, то записать его в младшие капитаны впрעדь до государевой милости.

Судьи согласно качнули париками.

— Капитан-командор Рейс, будучи вдвое сильнее свейских кораблей, убоился абордировать их, нанеся тем бесчестье флоту нашему. — Апраксин, слыша рядом гневное дыхание, скосил глаза, ужаснулся дикому взору Петра, торопливо дочитал: — За неисполнение обязанности своей и за трусость вышереченнаго Рейса на основании восьмаго и двадцать девятаго артикулов должно препроводить к месту казни и там расстрелять.

Рейс, посереv, обеими руками вцепился в скатерть на судейском столе.

— Не имея сигнала вице-адмирала и не ведая храбрости матрозкой, не посмел я абордировать свейскую эшквadroю!

— Но, но! — силло предостерег Меншиков. — Много себе не позволяй врать, господин от конфузии командор.

— Шельм! — бешено выкрикнул Петр и стукнул кулаком по столу с такой силой, что пузырек с чернилами перед канцеляристом подпрыгнул. — Ты ль, собака, храбрее русскаго человека?!

Долго сдерживаемая ярость, наконец, прорвалась наружу. Петр, оттолкнув кресло, подскочил к флагману, схватил обомлевшего капитан-командора за грудь и с силой швырнул его к ногам перепуганной стражи.

¹ Мель; подводная скала.

— Прикажи, Федор Матвеевич!.. Казнить немедленно!..

Расталкивая сторонящихся командиров, он выбежал из зала и только на дворе, потянув раздувающимися ноздрями морозный воздух, опомнился. Тотчас же его догнал посланный Апраксиным Гаврило Семенов.

— Господин шаут-бей-нахт, не простынь за ради бога, — заботливо басил канцелярист, подавая треуголку и шинель.

Петр, не отвечая, порывисто надел шинель, нахлобучил треуголку и, размахивая руками, стремительно зашагал по двору к расположенным близ Невы стапелям.¹

Мглистое зимнее небо, суля снегопад, низко висело над незаконченным квадратом адмиралтейского двора. Всюду торчали ребристые остовы новых кораблей, высились горы навощенных и просмоленных канатов, штабеля досок, груды якорей. По обе стороны двора, за частоколом среди заснеженных пустырей Адмиралтейского острова, пестрели расписанные яркими красками амбары с пенькой, лесом и смолой, бревенчатые корпуса прядильного, канатного и сахарного заводов, стояли опрятные флигели флотских служителей, провиантские магазины на сваях, лекальные² сараи и простенькая деревянная церковка Исакия Далматского, граничащая с Адмиралтейством.

Сухо скрипел снег под ботфортами.

— Ну, погодите, ярыжки заморские, хвастуны!.. — Петр презрительно фыркнул. Его бесила враждебная сдержанность, с какой приняли приговор командиры. — Забыли, что ради нужды в мореходах взяты в службу из кабаков амстердамских? Плачу вам жалованье вдвое против своих, за что?..

Злость на родовитую знать, из-за чьей косности приходилось нянчиться с проходимцами вроде Рейса, сыз-

¹ Судостроительная площадка, помост.

² Чертежные.

нова овладела им, как в тот день, когда экзаменовал дворянских недорослей, ездивших за границу учиться морскому искусству. Немногие из них вернулись сведущими в мореходных азах, большинство даже не знало компаса. Петр всердцах не одного великовозрастного недоросля попотчевал дубинкой, выдрал за уши, отдал в матросы, но толку не добился. Флот рос с каждой весной, а свои мореходы были наперечет. Основанная в Москве в Сухаревой башне «школа математических и навигацких, то-есть мореходных хитростно искусств» не выручала. Кораблями попрежнему командовали морские бродяги, набранные из всех портов мира, привыкшие служить, да и то без особого усердия, лишь тому, кто хорошо платил. Редкие из сонма заезжих искателей длинного рубля — покойный Лефорт, Бредаль, Сиверс, Беринг — заодно со шпагой отдали русскому флоту свои чаяния, честь и сердце.

У крайнего стапеля Петр задержался. Плотники сорвали шалки. Он, здороваясь, велел не прерывать дела и, тщательно осмотрев скелет корабля, прошел к следующему элингу.¹

Неподалеку от обшитой досками почти готовой скампавеи, беззаботно перекликаясь, собирали вязанки щепок дети адмиралтейских мастеровых, живших за частоколом в казенных казармах. Несколько мальчишек, обтрепанных и худых, как бездомные котята, обступили долговязого веснушчатого подростка в мешковатом, видимо с отцовских плеч, зипуне и, толкаясь, слушали его бойкую речь. Не замечая подошедшего сзади царя, подросток обстоятельно объяснял типы кораблей.

— Сие судно прозвано скампавея, а еще каторга. На нем ставят один машт с парусом, також ходют на веслах и... — он, залинаясь, вымолвил подхваченное у матросов слово, — абордуют свейские корабли.

¹ То же, что и стапель.

— А сие, Алешка? — допытывался, тыча на соседний элинг, большеголовый мальчуган с платком вместо шапки.

— Бомбардирский корабль с пушками. Батя с дядей Федосеем строят, — гордо прибавил веснуцатый Алешка.

— А чай страшно на море-то! Мамка сказывала, вода там под небеса хлещет. Пропадешь!

— А чаво страшно? Матрозы ведь ходют.

— Господин шаут-бей-нахт! — разнеслось на весь двор.

Петр недовольно обернулся. Подростки воробьями метнулись прочь.

От мазанковой башни рысцей трусил, придерживая шпагу, генерал-адмирал. Франтоватый Меншиков едва поспевал за ним.

— Как велишь с Корнелиусом Крюсом? — подбегая, спросил запыхавшийся Апраксин. — Зело просит не казнить его в одночасье с капитан-командором. Смилуйся над ним, Петр Алексеич!

— И славных дел немало за вице-адмиралом числится. Вели, мин херц, заместо смерти в абшит¹ его писать, — в свою очередь упрашивал Меншиков.

Петр словно окаменел.

На дворе стало людно. Стража вывела осужденных. Позади бравого гвардейского поручика спокойно семенил опальный вице-адмирал и, шатаясь, плелся Рейс. Подоаль гурьбой двигались хмурые командиры. Апраксин приказал им присутствовать при исполнении приговора.

Рейс, хныча, пал на колени.

— Пощаду молю, ваше миропомазанное величество!

— Трус, трус! — брезгливо отодвигаясь, пробормотал Петр и вполголоса, — никто, кроме генерал-адмирала, не разобрал, — обронил:

— Сказать ему смерть и привязать к столбу, потом свободить от смерти и послать в каторгу.

¹ В отставку.

Стража, подхватив упирающегося капитан-командора, поволокла его на берег Невы к позорному столбу, у которого ежедневно стегали батогами штрафованных мастеровых. Два усатых гвардейца прикрутили Рейса к столбу. Капитан-командор, обессилев от ужаса, повис на веревках. Офицер завязал ему глаза платком.

На адмиралтейском дворе воцарилась непривычная тишина.

Снег под ногами Беринга не скрипнул, а выстрелил. Выйдя из толпы, капитан-лейтенант почтительно и твердо сказал:

— Прощу о милости Корнелиусу Крюйсу.

Петр пристально взирал на датчанина с тем выражением, от коего становилось не по себе многим людям.

— Не по чину смел, Витус Беринг! — сердито крикнул Апраксин.

Властным жестом Петр успокоил генерал-адмирала.

— Капитан-командора Рейса, — проговорил он, — лишив чинов, сослать в Тобольск навечно; вице-адмиралу ехать в Казань на жительство, никуда из того места не отлучаясь.

Командиры облегченно завздохали. Крюйс признательно склонил голову.¹

По знаку генерал-адмирала, гвардейский офицер подошел к Рейсу и, сняв с его глаз повязку, передал волю царя.

Капитан-командор кулем сполз вдоль столба и, не веря помилованию, не разжимая зажмуренных век, визгливо завопил:

— Лутше пали, солдат, лутше пали!..

Моряки отвернулись: вид перетрусившего капитан-командора был отвратителен.

Петр отрывисто хохотнул.

— Ну, трус! А ведь флагманом числится.

¹ Через год ему было возвращено прежнее звание, но в море Петр его больше не пускал.

— Имеет быть сей флагман ехать в Сибирь ловить соболей, — сострил Меншиков. — Не поздно ль, мин херц, помиловал. Он со страху пошти преставился.

— Не сорочь, Данилыч! — Петр зло оскалился. — Милую, чтоб протчие не разбежались. Еще не срок без них обходиться. Своих прежде завести надлежит вдосталь и поставить над сими ярыжками, дабы в крепких руках держали.

Он поискал глазами веснущатого подростка и, найдя того в толпе мальчишек возле столба, где адмиралтейский лекарь пускал кровь задохнувшемуся от пережитого страха Рейсу, поманил к себе.

— Эй, малый!

Подросток, оробев, юркнул за спины сверстников, но был извлечен вынырнувшим парусным мастером. Усердно сгибаясь в поклоне, мастер приблизился, цепко держа мальчугана за руку.

— Господин шаут-бей-нахт. Сие ослушное чадо есть Ильи Чирикова, плотницкаго десяткаго из подручных Федосея Склаева, и часто господ мореходов в несказанное изумление приводит острым понятием в деле корабельном.

— Пусти его. — Петр взял подростка за рукав отцовского зишуна, нагнулся к синим глазам. — Звать как? Алешкой? Говори, Алешка, ведомы тебе какие корабли?

— Не пужайсь, постреленок, сам царь велит, — шепнул мастер.

Алешка ломким голосом назвал бомбардирский корабль, шняву, бригантину, их различие друг от друга. Заинтересованные командиры окружили подростка.

— Ну-ка, — поощрительно сказал Петр, — знаешь ли устройство корабельнаго гола?

Подросток зачастил без запинки.

— Ай, чада растут! — Апраксин восхищенно покругтил головой. — В сем малом толк будет.

Глаза Петра блестели.

— Тут, Федор Матвеевич, тут учить надобно, по соседству с морем. Учредить Академию Морскую. Собрать в нее детей способных, растить своих капитанов, флагманов, чтоб служили не как иные, — уколол он командиров. — А ежели дворяне противиться станут, велю всех недорослей, не щадя знатности, в матрозы пожаловать! Не они, так солдатские, мастеровые, холопы дети сыщутся. В Академию прикажи первым писать сего малого. Для науки нет знатности, ум надобен да прилежание.

— Истинно, мин херц, — откликнулся Меншиков.

— Ступай. Великую радость доставил своею разумностью. — Петр притянул к себе подростка, расцеловал в обе щеки и, отпустив, зашагал в глубь двора. Догоняя его, вприпрыжку понеслись Апраксин, Меншиков, командиры линейных кораблей.

Когда они удалились, а гвардейская стража увела разжалованных флагманов за частокол, с палубы вышагавшего над строительной площадкой кузова слез на снег пожилой красноносый плотницкий десятник.

— Радуйся, Илья, за свое чадо, — завистливо сказал парусный мастер. — Царю, не убоясь, отвечал смысленыш. Знать, летать ему высоко.

Десятник, расспросив сына о словах Петра, обрадованно перекрестился.

— Дай-то бог, штоб сбылось сие наяву, а не сном сгнуло. Эх, и выстрою тогда кораблик тебе, Алексей сын Ильич Чириков!..

ГЛАВА II

ПТЕНЦЫ ГНЕЗДА ПЕТРОВА

... О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих,
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне одобренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

Ломоносов

Знаменитый адмиралтейц — мастер Федосей Склеяев, услышав о разговоре Петра с Алешкой Чириковым, не преминул при случае сказать десятнику:

— Илья, внимли. Малый твой гораздо способен, и любопытство к мореходному ремеслу имеет отменное; а таковых приметя, Петр Алексеич дорожится ими. Ежели промолвил слово, быть делу непременно. Не об одном чаде, о будущем нашем печется. Глянь кругом, Илья. Кто помышлял про острова сии, что слыть им градом да пристанищем флота русскаго? Ныне ж трудам своим диву даемся...

И точно: было на что диву даваться, обозревая выросшую на островах невского устья новую столицу. Приезжие люди изумленно взирали на непохожий на привычные окольные места незнакомый город, возникший из прибалтийской болотной топи: вдоль прямых

каналов, недавно вырытых на Адмиралтейском острове между Невой и Фонтанкой, виднелись мазанковые домики флотских служителей, нарядные особняки вельмож, дощатые склады корабельной утвари. Многое и к осени 1721 года выглядело несовершенным. Иностранные мореходы, возвратясь домой, рассказывали о великом трясении зданий, кое происходило от проезжавших мимо по зыбкой почве карет, о том, что Санкт-Петербург скорее похож на грязную слободу в приморском городе, нежели на столицу и царскую резиденцию. Даже обращенная к реке та его часть, что составляла так называемую набережную линию Невы от Галерного двора до Летнего сада, была хаотическим смешением всевозможных построек: провиантских магазинов, кабаков, лекальных сараев, постоянных дворов для иноземных мастеровых. Над ними возвышался обнесенный крепостной стеной, бастионами и глубоким рвом, увенчанный мазанковой башней с часами и железным шпиком-корабликом в центре главного фаса, тесный от элингов и корабельных кузовов Адмиралтейский двор. Невдалеке от него, на месте будущего Зимнего дворца, раскинулся на лугу Морской рынок и стояли два каменных дома: ближе к реке особняк генерал-адмирала Апраксина, чуть в стороне палаты казненного за измену министра Кикина, отписанные в казну и отданные в пятнадцатом году под Морскую Академию.

Неизменно величавая Нева, украшая болотистую равнину, плавно несла свои воды среди зеленых, еще не одетых в гранит, берегов.

На ней, от царского домика на противоположной стороне до невидного за горизонтом острова Котлина, нескончаемой для глаз кильватерной колонной вытянулись боевые корабли русского флота: грузные трехдечные великаны, изящные фрегаты, быстроходные шнявы, чьи позолоченные кормы ослепляли взгляд отражением солнечного блеска. Двухмачтовые галеры с удлиненными косыми ряями, затейливыми надстрой-

— Трижды сквозь строй гонять детей в Уставе не означено! — гневно вскричал Апраксин. — Петр Алексеевич, вели господину директору не зверствовать! Ведь не подлой породы отрок бесчестьем подвергся. Из дворян!

Писарев хитро прищурился.

— С гуся вода, тамож батоги Артюшке Черных, а годов сему дитю без малого тридцать семь. Ночь отлежался, поутру ж сам в класс пожаловал без поуканья. Не полторы тыщи, вдвое батогов вытерпит.

— Ну? — удивился Петр. — Крепок любезный. За что столь нещадно штрафован?

Директор перечислил проступки великовозрастного академиста:

— Пропил штаны вторые канифасные — раз; учинил драку с матрозами в остерии¹ — два; разбил клеть в доме провиантского служителя — три; уволок из нес мешок с окороками — четыре...

Петр засмеялся.

— Вор у вора украл! А в науках преуспевает?

— А в ученьи последний, — досказал Писарев. — Одна слава, что именитаго роду.

Апраксин насупился, но промолчал: случай с дворянским сынком не был единственным. Не однажды жаловался в Адмиралтейство директор, стонали соседи Академии, да и Петр не впервые слышал о похождениях академистов или морской гвардии, как официально именовались гардемарины, набранные из дворянских, солдатских и мастеровых семейств. Возраст не играл роли, поэтому среди недорослей, поставленных дворянством, попадались и такие, коим давно перевалило за тридцать лет. Волей-неволей они сидели в классах, ибо по указу царя не смели жениться до сдачи экзаменов. Не очень тяготея к знаниям, великовозрастные чада учились из-под палки, озорничали за стенами Академии

¹ Кабаке.

не хуже заправских разбойников, приводя в смятение обитателей Адмиралтейского острова, и нередко испытывали на себе пресловутый метод вколачивания разума. Петр, выкраивая время, хаживал в классы и дубинкой поощрял именитых лодырей. Примеру царя следовали и прочие воспитатели будущих командиров флота. Озорству и лености противопоставлялись батоги и кошки,¹ узаконенные инструкцией-уставом Академии:

«...Поутру, как рассветет, сходиться в зале для молитв, прося господ-бога о погребной милости и о здравии его царскаго величества и о благополучии его оружия, под наказанием; итти в классы со всяким почтением и всевозможною учтивостью, в классах никакого крику ни шуму не чинить, а сесть на свое место без всякой конфузии, не досадя друг другу, под наказанием; слушать, чему учат профессора, и к оным надлежащее почтение иметь, под наказанием; а буде кто из учеников станет бесчинствовать, хлыстом бить, несмотря какой бы ученик фамилии не был, под жестоким наказанием...»

Таковы были нравы, что однако не помешало Академии вырастить прославленных мореходов. Если недоросли вроде Артюшки Черных снискали худую славу званию академиста, то немало мастеровых и солдатских детей весьма успешно овладевали морскими науками.

Это и утешало Петра и раздувало в нем безудержный гнев на упрямую знать, не желавшую расставаться с вековым невежеством.

— Предстатель,² сват, из тебя хреновый, — пренебрежительно заметил он, обращаясь к сконфуженному Апраксину. Тот был не рад, что ввязался в спор с Писаревым, а Петр, взойдя на крыльцо и направляясь внутрь здания по бесконечному коридору, продолжал

¹ Плеть из пяти или семи туго сплетенных прядей с узелками на концах.

² Защитник, ходатай.

язвить: — Разбойничают не простых пород дети, а дворяне. Им не книга — кистель надобен! Вдругорядь, Федор Матвеевич, мундира не снимай, не помилую, — припомнил он недавнее заступничество генерал-адмирала за честь дворянства.

Весь Санкт-Петербург смеялся над той историей. Несколько недорослей, не пожелав учиться в московской навигацкой школе, поступили в духовное училище. Петр, проведав о такой хитрости, приказал отдать попovichей в Академию, а в наказание за недостойное отлынивание определил им ежедневно по два часа после уроков вбивать сваи под пеньковые амбары на Мойке. Именитые чада, привыкшие жить в отцовских хоромах, как у Христа за пазухой, мало того, что попали в спартанскую обстановку академического общежития, но вдобавок были принуждены вколачивать сваи паравне с беглыми и пойманными холопами. Отцы виновников кинулись в ноги Апраксину, умоляя не допустить бесчестья древних родов. Щепетильный ревнитель дворянской чести, генерал-адмирал захопотал, однако отговорить Петра не сумел. Тогда он выждал день очередного визита царя на Мойку, заблаговременно явился туда и, скинув мундир, начал стучать кувалдой по сваям. Петр, подошедши, опешил: «Как, Федор Матвеевич, будучи генерал-адмиралом и кавалером, да сам вколачиваешь сваи?..» А генерал-адмирал, опираясь на кувалду и приложив ладонь к груди, обиженно молвил: «Здесь, государь, бьют сваи все мои племянники да внучата, а я что за человек, какое имею в роде преимущество? Кавалерии и мундиру бесчестья не принес, они висят на дереве...» Петр, натешась до слез и посчитав, что за неделю недоросли попотели достаточно, простил их.

Писарев, обгоняя гостей, распахнул дверь в зал, где академисты собирались по утрам на молитву, а по окончании занятий для экзекуций. Вдоль стен зала шпалерами выстроилась морская гвардия — триста

юнцов и усатых верзил в одинаковых — кумачевого цвета — войлочных карпучах,¹ сермяжных кафтанах, канифасных штанах на выпуск и балмаках с медными пряжками. Впереди, держа атрибуты власти — семихвостые плети, стояли истуканами пожилые дядьки в матросских костюмах и строевой командир морской гвардии, длинноусый, как все преображенцы, капитан Козинский. В проходе, у экзаменационного стола, замерла в поклоне группа учителей в вольной одежде. За ними на стене висела дубовая доска с выписанной на ней программой, составленной Петром в день открытия классов:

«Учить детей: 1) арифметике, 2) геометрии, 3) фехт или приемы ружья, 4) артиллерии, 5) навигации, 6) фортификации, 7) географии, 8) знанию членов корабельного гола и такелажа, 9) рисованию, 10) на произволение танцам для постуры».²

— Отцу отечества слава! — пронзительно завопил Писарев.

— Слава! — повторили триста голосов. Эхо звонко ударило в сводчатый потолок.

Петр, нетерпеливо отмахиваясь, сказал:

— Здорово, плодовитые, да только подпор и тычин требующие пенцы!

— Желаем здравия вам, господин адмирал! — дружно гаркнули академисты заученное приветствие.

— Ладно, ладно, молодцы, — проворчал Петр и, подойдя к столу, опустился в кресло. — Садитесь, господа учителя, а ты, Григорий Григорьевич, приступай, не мешкая.

Писарев водрузил на переносе очки и, взяв лист с фамилиями учеников, позвал:

— Алексей Чириков!

¹ Шляпах.

² Постура или поза — положение тела, в данном случае для обучения изящности движений.

К столу, розовея, шагнул высокий синеглазый юноша. Трудно было признать в нем долговязое вихрастое чадо адмиралтейского десятника. Семь лет миновало после кригсрехта над Корнелием Крюйсом и прочими флагманами. Петр давно позабыл о разговоре у стапелей, который решил судьбу подростка в отцовском зипуне. Апраксин в точности исполнил волю царя: первым академиком из трехсот набранных в учение недорослей по списку числился Алексей Чириков. Природное дарование помогло ему стать первым и по знаниям. Скупой на отзывы профессор Фарварсон чаще всего удостоивал похвальным словом четырех воспитанников: Алексея Чирикова, Степана Малыгина, Алексея Нагаева и Дмитрия Лаптева. Они выделялись в Академии не только своими способностями, но и беззаветной юношеской дружбой, что как маяк светит всю жизнь.

— Зело остропонятен в науках сей вьюноша, — отрекомендовал директор. — Особливо преуспел в плоской и круглой навигации, географии и знании членов корабельнаго гола.

— Говори. — Петр потянул Чирикова к себе. — Ежели неприятель побежал на фордевинд, как его лучше догнать?

Юноша пуще зарумянился.

— Прежде, нежели говорить, как гнаться или удаляться от неприятеля, то надобно знать расположение самаго лучшего хода своего корабля, — уверенно ответил он и, пересыпая речь морскими терминами, объяснил задачу.

Апраксин, ахая, завозился на табурете.

— Слынь, сват! — Петр чуть подтолкнул соседа.

— Зря плакался, Федор Матвеевич, на оскудение флота офицеров. Вот они — птенцы. Подрастут, иноземных мореходов поучат.

— Добро, способный флоту офицер, — обняв юношу, радостно изрек Петр и вдруг спохватился. — Погоди,

Алексей Чириков. Юности честное зеркало¹ ведомо тебе?

Тот зачастил наизусть:

— Повеся голову и потуши глаза по улице не ходить, глядеть весело и приятно с благообразным постоянством, при встрече со знакомыми за три шага шляпу снять приветным образом, а не мимо прошедши оглядываться, в сапогах не танцевать, в обществе в круг не плевать, а на сторону, в комнате или в церкви в платок громко не сморкаться и не чихать, перстом носа не чистить, губ рукою не утирать, руками по столу не колобродить, ногами не мотать, перстов не облизывать, костей не грызти, ножом зубов не чистить, над пищею, как свинья, не чавкать...

Апраксин отчаянно замахал руками. Петр, смеясь, отпустил академика.

— Иди, Алексей Чириков. Да изволь пожаловать в субботу на ассамблею к прокурору Ягужинскому. Там доскажешь юности честное зеркало.

Чириков, поклонясь, возвратился в строй.

— Степан Малыгин! — выкликнул Писарев.

Из шеренги выпускников выступил и остановился перед гостями угрюмый длиннолицый юноша с могучими кулаками и тяжелым взглядом серых глаз.

Писарев доложил:

— Сей Степан Малыгин часто господина бригадира профессора Андрея Данилыча в несказанное изумление приводит неотчетливыми вопросами и острым понятием. Представил третьего дни сочиненное им «Размышление по карте де редюксион».

Произнеся это, Писарев поднял над столом аккуратно сшитые в тетрадку листки: ученический вариант широко распространенного впоследствии у моряков малыгинского труда «Сокращенная навигация».

¹ Распространенная в то время книга о правилах хорошего поведения.

Глаза Петра округлились, брови изумленно поползли вверх. Резко привстав, он вырвал тетрадку из рук директора, долго и жадно читал ее, наконец, порывисто притянув к себе Малыгина, крепко расцеловал в обе щеки.

— Отменно порадовали, господа будущие мореходы, стараниями вашими. Прикажи, Федор Матвеевич, обоих, назначив на корабли, минуя чин мичмана, записать в унтер-лейтенанты. Чаю о них, — Петр сел и обратился к удовлетворенным учителям, — пленцы сии новую славу добудут земле русской.

— Дмитрий Лаптев! — прозвучал в зале пронзительный голос Писарева.

От перенги к столу направился третий выпускник. Экзамены продолжались.

ГЛАВА III

ПРОЩАЛЬНАЯ АУДИЕНЦИЯ

Тогда пловущим Петр... спи слова
вещал:
... Хотя там, кажется, поставлен
плыть предел;
Но бодрость подают примеры слав-
ных дел...

Ломоносов

Нестерпимая боль вырвала приглушенный стон. Низ живота будто резнуло пилой. Петр ничком повалился на кровать у изразцовой печи и, сдерживая желание закричать, несколько минут мучительно кряхтел. Когда полегчало, открыл налитые слезами глаза и, кривя губы, сказал замершему возле конторки растерянному Апраксину:

— По мне суди, сват, сколь несовершенное животное есть человек.

— Не бережешься, Петр Алексеевич, — укоризненно попенял генерал-адмирал. — Не те годы — скакать в море да в распутицу по Ладоге разгуливать. Вот и казнишься.

Старик был до того удручен, что, позабыв свойственную ему почтительность и слепую безоговорочную преданность, принялся выговаривать царю за осеннюю поездку на Ладожское озеро и каналы. Петр отправился туда, несмотря на неодобрение придворного медика, и тем самым подписал себе приговор.

На обратном пути с Ладоги навстречу адмиральской пняве попался бот, шедший из Кронштадта к Лахте с матросами и солдатами. Свежий ветер развел крупную зыбь. Едва суда разминулись, заливаемый волнами бот выскочил на мель. От сильного толчка многие люди попадали за борт и, не умея плавать, захлебнулись. Петр, не утерпев, полез в студеную ноябрьскую воду, спас семь человек и в один час свел на-нет результаты лечения долго скрываемой от всех «каменной болезни». Источенный многолегким тайным недугом богатырский организм не вынес последнего испытания: сверлящая боль донимала почти непрерывно после возвращения из вояжа. Петр осунулся и, подолгу отлеживаясь, не покидал зимнего домика, построенного на берегу Невы между особняком Апраксина и Морской Академией. Но дел не бросал.

С утра до сумерек возле крыльца отстаивались кареты президентов одиннадцати коллегий, ведавших страной от Балтики до Анадыря, а сами господа министры ждали очереди войти в токарную мастерскую дворцового механика Андрея Нартова.

Петр беседовал с ними, не отрываясь от резца. Там же у станка, незадолго до нового года, сказал генерал-адмиралу:

— Худое здоровье заставило меня сидеть дома. Я вспомнил на сих днях то, о чем мыслил давно и что другие дела предпринять мешали, то есть о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию. На сей морской карте . . . — он провел Апраксина из мастерской в кабинет, где на . высокой, в рост человека, конторке была разостлана чертежная карта Сибири и тихоокеанских побережий, — . . . проложенной путь, называемый Аниан, назначен не напрасно. В последнем путешествии моем в разговорах слышал я от ученых людей, как прежде и от господина Лейбница, что такое обретение возможно. Не будем ли мы в исследовании такого пути счастливее голландцев и англичан, которые многократно покуша-

лись обыскивать берегов американских? О сем-то написал инструкцию; распоряжение же сего поручаю, Федор Матвеевич, за болезнь мою, твоему попечению, дабы точно по сим пунктам, до кого сие принадлежит, исполнено было.

Он вручил Апраксину составленный загодя вопросник:

«1. Сыскать геодезистов тех, которые были в Сибири и приехали;

2. Сыскать из поручиков или подпоручиков морских достойного, кого с ними послать в Сибирь на Камчатку;

3. Сыскать из учеников или из подмастерьев, который бы мог тамо сделать с палубою бот, по здешнему примеру, какие есть при больших кораблях, и для того с ним отправить плотников четыре, с их инструменты, которые б моложе были, и одного квартирмейстера и восемь матрозов;

4. И по той препорции отпустить отсюда в полтора парусов, блоков, шкив, веревок и прочего, и четыре фалконета с надлежащею амунициею, и одного или двух парусных швцов;

5. Зело нужно штурмана и подштурмана, которые бывали в Нордной Америке. Ежели таких штурманов во флоте не сыщется, то немедленно писать в Голландию, чтоб прислали двух человек, знающих море к северу до Японии, и чтоб оные присланы были через адмиралтейскую почту».

С ответами на вопросник и явился Апраксин на шестой день нового 1725 года.

— С утра государю худо, — предупредил в сенях секретарь царя Макаров.

Однако Петр тотчас принял генерал-адмирала и только усмехнулся на его ворчание.

— Некогда, сват, беречься. Болезнь упряма, знает то натура, что творит, но о пользе государства пенщись надлежит неусыпно, доколе силы есть. Показывай, с чем пожаловал.

Он взял протянутую Апраксиным бумагу, поднялся с кровати, раскурил погасшую трубку и зашагал по комнате, торопливо, точно спешил куда-то. И верно: всю жизнь спешил, наверстывая за два века ханского ига и за сто лет боярской лени.

Озабоченный взгляд генерал-адмирала, не поспевая за движениями царя, перебегал за ним от конторки у продолговатого оконца к дверям кабинета и обратно. Крепко переменялся Петр за месяц болезни: поседели кудри и коротко остриженные усики, глубоко залезли усталые глаза, отекли и обвисли землистые щеки.

— Федор Матвеевич! . . . — Брови Петра подпрыгнули, когда он прочел второй пункт доклада: «По мнениям вице-адмирала Сиверса и шаутбенахта Сипявина, из морских поручикам Станбергу,¹ Звереву или Косенкову, подпоручикам Чирикову или Лалтеву оная экспедиция годна. А не худо чтоб де был над ними командир из капитанов, Беринг или фон-Верд, поспеже Беринг в Ост-Индии был и обхождение знает, а фон-Верд был штурманом».

Не скрывая проницательного изумления, Петр, остановясь у конторки и положив на нее листок с ответами, обернулся к генерал-адмиралу.

— Не ты ль, сват, желал Витуса Беринга в абишт из службы нашей выбить? . . .

Апраксин, уставясь в пол, развел руками.

— Когда я по званию флагмана спорю с вашим величеством, как с адмиралом, я никогда не могу уступить, но коль скоро вы предстаете царем, я свой долг знаю, — вывернулся он.

Беринг сидел у него в нечонках с тех пор, когда приключилась конфузия на Адмиралтейств-Коллегии. Истекшим летом, обиженные неприбавкою жалованья и беспричинным неповышением в следующий чин, иноземные капитаны Фалкенберг, Гей и Беринг, заодно с ними

¹ Шпанбергу.

свой, Дубровин, подали прошение об отпуске из службы. Апраксин был рад спровадить иностранцев во-свояси. «Капитанов, — предложил он на Коллегии, — можно и отпустить, кроме Дубровина, а онаго прибавкою жалованья, конечно, наградить следует». Царь на том заседании сухо заметил: «Надлежит впредь морских офицеров в службу принимать по-ипому и контракты с ними чинить покрепче», но мнения об отпуске не высказал. Коллегия некоторое время пребывала в нерешимости и, наконец, под нажимом самих капитанов, приговорила: «отпустить в земли, откуда приняты». Петр, когда Апраксин принес приговор на утверждение, при всех отчитал генерал-адмирала и сказал, заключая: «Нащет Фалкенберха и Гея быть по сему: подписти палипорта; а Беринга зря обижаешь. Сей датчанин истинно русский есть человек и доказал службою своею. Объявишь на Коллегии, чтоб принять его в морской флот попрежнему и назначить в первый ранг капитаном».

Через неделю Адмиралтейств-Коллегия привела Витуса Беринга к присяге, а спустя четыре месяца сочла возможным рекомендовать для руководства камчатской экспедицией.

— Ну то-то, господин флагман, впредь с вниманием должным различай людей, — назидательно обронил Петр и, поглядев с усмешкой на упрямо безмолвного Апраксина, вновь принялся за чтение доклада.

Адмиралы писали немногословно:

«Ботовый ученик, который по чертежам боты с палубами и без палуб делать может, имеется, именно, Федор Козлов, а такелаж, затребованный по велению государя, отпустится в полтора раза более обычного».

Зачеркнув «в полтора», Петр надписал сверху «вдвое», добавил на полях: «Прочее все хорошо. В Камчатскую экспедицию послать флота капитана Витуса Беринга с прочими морскими служителями»; перечислил и поманил Апраксина.

— Распорядись, Федор Матвеевич: Берингу и Чиркову явиться сюда.

Генерал-адмирал, поклонясь, вышел, провожаемый глухим завыванием ветра в дымоходе и скрипом пера.

Петр, облокотясь на конторку, чертил на чистом листе неразборчивые закорючки. Хвостатое перо быстро сновало по бумаге.

Исписав ее, он перевернул дела Адмиралтейств-Коллегии и нашел среди них принятое намерение, подлежащее его апробации, решение о производстве:

«По выписке от конторы генерал-кригс-комиссара, унтер-лейтенанта Алексея Чирикова, хотя еще до него очереди не пришло, записать ныне в лейтенанты для того, что по новоучиненному адмиралтейскому регламенту первой главы 110 артикула напечатано: ежели кто из адмиралтейских служителей явится знающим в морском ходу или на верфи в работе, и тщателен в производстве своего дела паче других, о том должны командиры их доносить Коллегии; Коллегия должна то рассмотреть и оных за их тщание повысить чином или прибавкою жалованья. А о вышеписанном Чирикове шаутбенахт Сандерс объявил, что по обучению гардемарин и морских офицеров искуснее всех явился оный Чириков. А гвардии капитан Козинский показал, что гардемарин 142 человека разные науки обучали чрез онаго Чирикова».

— Ну, порадовал! — потрясая бумагой, вскричал Петр, завидев входящего Апраксина. Тот, не понимая, поморгал белесыми ресницами. — О Чирикове радуюсь. Давно ль сей птенец под началом у Фархварсона обрелся, а ныне сам обучает!

Генерал-адмирал, уразумев, просиял.

— И зело исправно, — с гордостью, словно о сыне, отозвался он. — Нарышкин¹ души в нем не чает.

¹ Директор Морской академии, сменивший Скорнякова-Писарева.

Клялся, что оный вьюноша правою рукою ему служит при Морской Гвардии, а сотоварищ его, Алексей Нагаев, також способен.

— Для куражу¹ повысить по достоинству, не взирая на младость, сие справедливо приговорили господа Адмиралтейц-Коллегия, — одобрил Петр. — Быть Алексею Чирикову в лейтенантах, а ежели и на Камчатке преуспеет, не забудь, Федор Матвеевич.

В комнате потемнело и прояснилось: мимо окошек промчался к крыльцу возок. Апраксин, сплющив нос, прильнул к стеклу, но сквозь морозные узоры увидел только снежную целину реки, мачты галер в Малой Неве, унылую панораму зимней прибалтики.

Бесшумно приоткрылась дверь. В ее просвете появилась голова денщика.

— Господа офицеры флота.

— Зови, — кинул Петр.

Усач посторонился, пропуская гостей.

Через порожек кабинета разом переступили и, держа пальцы у войлочных треуголок, стали у стены под картиной с голландским пейзажем два моряка: безукоризненно выбритый, приземистый Витус Беринг, командир девяностопушечного флагманского корабля «Лесное», построенного Федосеем Склаевым по чертежам царя; рядом с ним румяный от волнения и мороза, непременный кавалер санкт-питербурхских ассамблей, самый молодой из воспитателей Морской Академии, высокий синеглазый красавец Алексей Чириков.

Петр пристально оглядел обоих, встретился с выжидательным взглядом Беринга. В мутных, будто зимнее небо над Балтикой, глазах капитана была готовность выполнить очередное поручение царя-адмирала.

— Ведомо, зачем призван, Витус Беринг?

¹ Для поощрения.

Капитан не успел вымолвить слова. Вмешался Апраксин.

— Господин капитан, будучи затребован в Коллегию того ж дни, когда вашего величества вопросник задан, и согласясь командовать экспедициею, отпросился домой. Ныне ж возвратился из Выборга¹ и, явясь к нам, репортовал, что готов ехать немедленно.

Беринг подтвердил.

— Добро. — Петр достал с конторки исчерченный закорючками листок, тряхнул им. — Ну, садитесь, господа мореплаватели. А ты, Алексей Чириков, что помышляешь? С охотою или неволею пристаешь к сему делу? Говори от сердца, знай: честь свою показать и славу отечеству добывать надобно и в морских службах дальних. Сиди. — Он ласково положил тяжелую горячую руку на плечо хотевшему встать молодому офицеру и, приковав его к стулу, сел напротив.

— Ваше величество, господин адмирал! — взволнованно отвечал Чириков. — Истинному морского флота служителю долгом своим и обязанностью почитать надлежит не токмо батални, но и проведывание новых стран к умножению и пользе отечества нашего!

— Ей-ей, сват! — Петр от удовольствия даже подмигнул Апраксину. — Птенец крылья отрастил, достоин быть в чине лейтенантовом.

Радость зыбью плеснулась в синих глазах Чирикова. Он, вспыхнув до ушей, смущенно глянул по сторонам: заметил покровительственно благосклонное выражение на рыхлом лице Апраксина, лучистую мягкость взора Беринга.

Капитан дружески улыбнулся.

Петр, наслаждаясь смущением вновь испеченного лейтенанта, в упор смотрел на него. Верил: будущее за этим розовощеким птенцом родного гнезда.

¹ Выборг — родина Беринга. один из древнейших городов Дании.

Похлопывая то по свосму, то по Берингову колену, пыхая табачным дымом, заговорил о предстоящей экспедиции:

— Путь ваш далек, а задача зело велика, мешкать не следует... Надлежит на Камчатке или в другом том месте сделать один или два бота с палубами. На оных ботах плыть возле земли, которая идет на Норд, и по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки. И для того искать, где она сошлась с Америкою, и чтоб доехать до какого города европейских владений или, ежели увидите какой корабль европейской, проведать от него, как оной кюст¹ называют, и взять на письмо и самим побывать на берегу и взять подлинную ведомость и, поставя на карту... приезжать!..

Он, почернев, откинулся на спинку стула. Заросшие седоватой щетиной щеки неистово задергались, глаза остеклянели, судороги перекосили разинутый рот. Трубка вышала из пальцев, стукнулась о половницу, рассыпая пепел и жар.

Моряки, вскочив, испуганно уставились в неузнаваемо искаженное муками лицо.

— Погодите, полежу... — Петр, задыхаясь, выдавил простые слова, кряхтя нагнулся за трубкой и, одной рукой прижимая к камзолу листок с недочитанной инструкцией, другой нетерпеливо махнул Апраксину. — Ступай с ними к Нартову... Покличу скоро...

Он проводил моряков страшным от обессиливающих страданий взглядом. Вот вразвалку, словно по корабельной палубе в непогоду, удалился Беринг... четко прошагал Чириков... медля, попятился к двери и скрылся за ней расстроенный генерал-адмирал. Так нехотя уходила жизнь.

Корчась громоздким телом, Петр сунулся на кровать. За окнами кабинета угасал день.

¹ Берег.

Из «Юрнала бытности в Камчатской экспедиции
мичмана Петра Чаплина:

1725 год, февраль

Воскресенье, 7. Поутру, не доезжая до Вологды за
20 верст, получили известие о кончине Е. И. В. Петра
Великаго чрез посланнаго из Санкт-Петербурга к гене-
ралу-лейтенанту Чекину...»

ГЛАВА IV

СЕКРЕТНЫЙ ВОЯЖ

...От славных вод Балтийских края
К востоку путь свой простирая...
Ломоносов

„Юрнал бытности“

Семь раз прозвучало в окрестных сопках эхо прощального салюта двух корабельных пушек. Попутный ветер, певуче гудя в струнах такелажа, выгнул холщевые паруса, чуть накренил перегруженную лодию¹ и лениво повлек ее вслед за флагманским ботом. Нескончаемой, до горизонта, поймой раздались плоские берега Охоты. Радужно искрясь под солнцем, кое-где подернутые полуденным маревом, болотистые луга лавой малахита затопили приустьевую равнину. Волны некошеных от века трав вздымались к черным скалам снежного хребта, окаймляющего равнину на западе. Там, в излучинах, на грани лугов и стеклянной спирали реки затерялись древние строения Охотского острога, некогда заложенного опытовщиком Семеном Шелковниковым у выхода в загадочный Восточный океан: одиннадцать кособоких изб промышленных людей, царев амбар с мягкой рухлядью,² тесное кружало, загороженный высоким тыном двор ясадного приказчика, два

¹ Небольшое парусное судно.

² Пушшиной.

барака, возведенные служителями первой экспедиции Беринга, да часовенка с похилившимся крестом на ребристом, обомшелом в пазах, куполе. Ближательные шатры чумов, раскинутых кочевыми эвенками и ламутами, разноцветными кочками пестрели на пойме. Рыжими лишаями расплозились по ней стада оленей. Их ветвистые рога были похожи издали на затейливый частокол, коим кочевники обнесли свои походные жилища.

Несколько диковинных вершиников провожали экспедицию до устья. Служители, приводя в походный порядок загромажденную пожитками палубу, с любопытством разглядывали восседающих на оленях ламутов, их прокопченные солнцем безбородые лица, одежды из звериных шкур, островерхие шапки, отороченные яркой камкой.¹ Дикое гиканье несло навстречу нарастающему шуму морского наката. Олени, мотая рогами и задрав куцые хвостики, гуськом мчали всадников вдоль берега наперегонки с лодией до тех пор, пока путь им не преградила дресвяная коса.

На ней, разделяя реку и море, клокотали вечные буруны. В неумолчном гуле прибоя на миг потонули все звуки; когда же лодия, повинаясь кормщику, проскользнула в неприметный глазу коридор меж бурунами и, обогнув косу, выбралась на простор Ламского² моря, истошные вопли всадников затерялись в хоре голосов, рожденных водным раздольем.

Дощатые борта лодии тягуче заскрипели. Шальная волна гулко ударила в бушприт, взметнулась над ним и каскадом освежающих капель брызнула в позеленевшие лица служителей.

— Держи гардевинд,³ Андрей Буш! Аль не протер зенки и Бахуса зришь!? — вспомнив пьяную предотвальную почь в острожном кружале, сурово прикрикнул на

¹ Шелковая материя.

² Охотского.

³ К ветру.

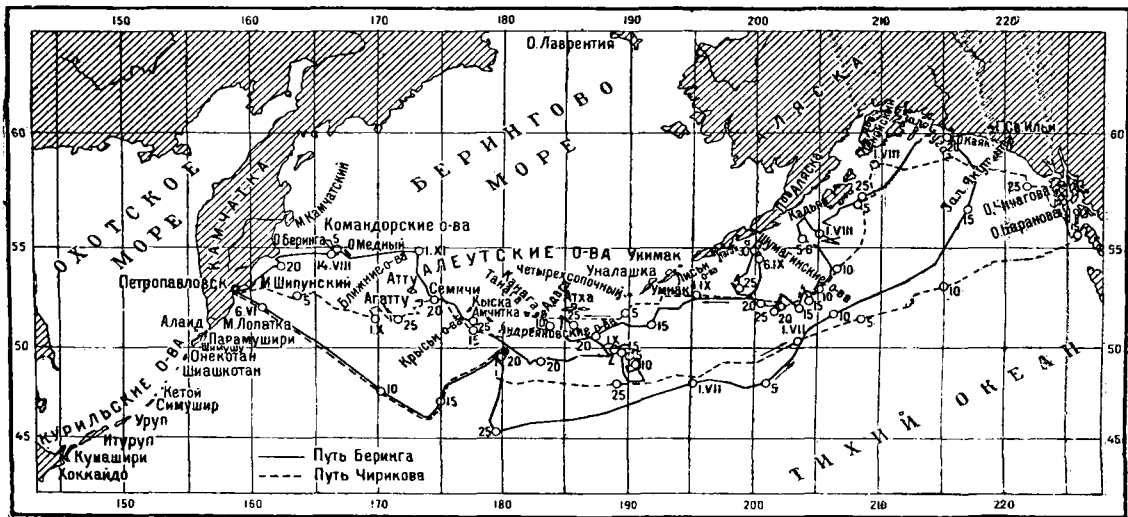
кормщика из пленных шведов седоусый мореход Кондратий Мошков.

Буш виновато заморгал белесыми ресницами и всем телом налег на румпель.

Лодия плавно свернула и, переваливаясь с волны на волну, взбираясь, падая и снова карабкаясь на подвижные холмы зыби, поплыла прежним курсом в кильватер флагманскому боту.

Гигантской чащей расплавленного олова дымилось вокруг кораблей серое море. Неподалеку от лодии играл кит. Он пускал высоко в небо прозрачные фонтаны и, шумно вздыхая, без устали сверлил волны черной, словно отполированной, тушей. Над китом, картаво галдя, вели хоровод охрипшие чайки.

Томясь и страдая от качки, служители хватались за все, что попадалось под руку, шептали молитвы и тоскливо поглядывали за корму. Земля быстро таяла в солнечном блеске, еще близкая и уже недосягаемо далекая, постылая до минуты разлуки с ней, а теперь недоступно желанная каждому из служителей, несмотря на терпкую горечь воспоминаний: слишком много неизгладимых до смерти больших бед и маленьких радостей было связано с этой неровной молочносиневатой полоской на горизонте. Она вобрала в себя бытие знакомого мира, девственную глухомань таежных джунглей величайшего из материков, бесконечные плесы пустынных сибирских рек, заросшие старинные тропы казаков-опытовщиков к берегам Восточного океана, уставленный могильными вехами тернистый путь, о котором Витус Беринг, рапортуя перед отплытием, кратко отписал в Адмиралтейств-Коллегию: «... идучи путем, оголодала вся команда, и от такого голоду ели мертвое лошадиное мясо, сумы сыромятные и всякия сырья кожи, платья и обувь кожаныя...» У перевала близ реки Юдомы навсегда остались лежать в мерзлой земле северо-востока заезжий искатель фортуны штурман Моррисон, геодезист Лужин, восемь якутских солдат и два плотника

Карта пути Беринга и Чирикова из Камчатки в Америку и обратно в 1741 г.
 (путь нанесен по карте кап. Э. Бергольфа, 1922 г.)

с Адмиралтейской верфи Санкт-Петербурха. Шестьдесят пять новых крестов желтели на таежных пригорках между Якутском и устьем Охоты — недолговечные памятники жертвам голода и цынги, принесенным Первой Камчатской экспедицией задолго до начала морского вояжа к таинственному Анианскому проливу. Никому не довелось сосчитать тех, кто не выдержал испытаний, положенных на долю исследователя, и предпочел бежать из экспедиции на верную гибель в тайгу, нежели плыть на край света в неведомый океан за Камчаткой и судорожно изгибаться над бортом в жесточайшем припадке морской болезни.

Качка выматывала служителей. Дородный экспедиционный иеромонах распростерся на койке в тесной клетушке отведенного офицерам руфа¹ и, кляня море, призывал всех известных ему угодников пощадить его душу. Причитания мешали соседям. Совсем юный, — лишения таежного перехода не согнали румянец с пухлых щек, — мичман Чаплин, недавно произведенный Берингом в этот чин из гардемарин, досадуя, ждал, когда беспокойный поп умолкнет, ибо никак не мог сосредоточиться и внести в путевой журнал запись об отплытии из Охотска. Время от времени он поглядывал в сторону оконца, где, разбирая стопу бумаг, примостился за крохотным столиком командир лодии лейтенант Чириков.

— Алексей Ильич! — встретясь, наконец, взглядом с лейтенантом, взмолился мичман. — Мочи нет, ей-ей! Голова звоном полнится от сей музыки!

— Отче Илларион, — посоветовал Чириков. — Ступайте на квартердек.² Враз полегчает.

Иеромонах грузно заворочался на койке.

— Ох, не приведи создатель терпеть муку подоб-

¹ Руф — жилая каюта на верхней палубе, рубка; см. перевод морских термпов, сделанный Петром I: «Руфы или чердаки».

² Квартердек или шканцы — часть верхней палубы.

ную!.. Тошно мне, господин лейтенант. Мутит, будто патоцк выдул мерник¹ зелья окаяннаго.

— Тебе, преподобный ярыжка, патоцк и мало-то мерника, — насмешливо пробурчал, подойдя к двери, Кондратий Мошков. — Выдь-ка, причасти пузо бездонное. Угощу ради жалости.

— Не срами особу священную, змей-искуситель! — сердито вскричал перомонах, однако, соблазненный возможностью опохмелиться после разгульной ночи на берегу, поднялся и, шатаясь, последовал за мореходом.

Офицеры дружно засмеялись.

Грызая кончик гусиного пера, Чаплин перелистывал путевой журнал, изредка вчитывался в записи:

«... Март. 18. Прибыли на реку Юдому ко Кресту со всеми со мною материалы и с людьми благополучно. Г-н лейтенант изволил мне сказать, что геодезист Лужин умре сего месяца 11 числа...»

«... Июнь, 11. Отданы оставшие пожитки после умершаго геодезиста Лужина по его духовной перомонаху нашей команды крест серебряный и перстень, денег 37 копеек и прочия вещи, которых наберется рублей на 10, а государев инструмент: квадрант, астролябия, готовальня с циркулями имеется при команде».

«... Август, 19. Сегодня перебрались все по судам. Г-н капитан и лейтенант Шпанберг на новом судне, которому звание «Фортуна»; на старом г-н лейтенант Чириков, при нем я и перомонах, служителей 15 человек и 4 человека мореходов...»

Мичман перебирал в памяти события нынешнего утра. Перед глазами возникла нарядная пойма, пестрые жилища кочевников, всадники, мчащиеся на оленях вперегонки с лодией. Помедлив, он записал:

«... Август, 22. В начале девятого часа г-н капитан со своим судном отвалил от берегу и среди реки Охоты лег на якорь; и в исходе отвалило наше судно. В начале

¹ Ведрю.

одиннадцатого часа, подняв парусы, поплыли из устья реки Охоты по правую сторону имеющегося островка среди устья и легли на румб SO¹⁰ в двенадцатом часу в исходе . . . »

Это было все, что юноша сумел выжать из пера. Писать не хотелось. Он прочел вслух последнюю запись и протянул журнал Чирикову.

— Добавлять что полагаете, Алексей Ильич?

Лейтенант, не отвечая, рылся в тетрадах и книгах, найденных иеромонахом среди пожитков Лужина. Не зная грамоты, отец Илларион удовольствовался тем, что взял себе деньги, перстень и крест, а все остальное раздал служителям. Тетради и книги он подарил Чирикову. Занятый подготовкой к вояжу, лейтенант не прикасался к ним до выхода из Охотска и только теперь на досуге занялся разбором бумаг умершего геодезиста. В походной библиотечке Лужина оказалось немало книг, знакомых лейтенанту с юношеских лет, когда он был воспитанником Морской Академии: «География генеральная», «История об Александре Российском дворянине», оба тома «Арифметики» Леонтия Магницкого, «Юности честное зеркало или показание к житейскому обхождению», «О должности человека и гражданина», «Трактат по механике». Тощая тетрадка в голубом сафьяновом переплете привлекла внимание Чирикова своим нарядным видом. Лейтенант раскрыл ее и тотчас впился в титульный лист. На нем было выведено четким почерком:

«Юрнал бытности в секретном вояже, предпринятом по велению Г-на Адмирала, Е. И. В. Петра Великаго, а лето 719—722 годы, штилизованный¹ мною, Федором Лужиным».

— Алексей Ильич, — протянул задетый невниманием лейтенанта Чаплин, — не осудите, что смел поме-

¹ Сочиненный.

шать вам. Удаляюсь балясы точить с мореходами. Буде случится нужда в чем, зовите.

Целиком поглощенный созерцанием неожиданной находки, Чириков не расслышал ни слова из того, что говорил мичман. Мысли взволнованного лейтенанта витали вдалеке. Тайна вояжа двух геодезистов, которую никто не разгадал в течение восьми лет, хранилась в тетради, раскрытой на столике. Должно быть Лужин не успел уничтожить тетрадь перед смертью и, надеясь на молчание иеромонаха, завещал ему свои пожитки. Неграмотность отца Иллариона сыграла роль слепого случая: благодаря ей Чириков был на пороге тайны, унесенной в могилу царем-адмиралом и геодезистами.

Она интриговала каждого, кто слышал о трехлетней поездке Лужина и Евреинова на край света, к Восточному океану. Лейтенант не забыл торопливых сборов одноклассника по Морской Академии и несчастливого соперника в любви к Феничке Склеяевой, дочери прославленного адмиралтейц-мастера, с коим лишь Петр тягался в искусстве строить стопушечные корабли. Утром геодезисты были затребованы из класса к царю, а на следующий день укатили из Санкт-Петербурга. «Твой талант,¹ Алеша, — мрачно сказал Лужин на прощанье, предчувствуя, что запоздает и попадет на крестины. — Кабы не воля государева ехать, куда указано, — то не преуспеть тебе». Чириков порозовел, но смолчал, ибо давно владел сердцем дочери Федосея Склеяева.

Внезапный отъезд Лужина и Евреинова вызвал немало толков в столице. Моряки и вельможи посудачили в Адмиралтействе, на ассамблеях, попытались выведать секрет у Апраксина, но ничего не добились. Генерал-адмирал, прикладывая руку к груди, клятвенно уверял, что геодезисты посланы Петром в уважение к просьбам философа Лейбница и Парижской Академии

¹ Счастье.

ради известия об Анианском проливе между Азией и Америкой. Столичные хитрецы в ответ сочиняли всевозможные небылицы, пока время не заставило заняться другими делами. Иные новости заинтересовали Санкт-Петербург: долгожданный Ништадтский мир после двадцати одного года войны со шведами, помыслы Петра о пути в Индию через Каспий, приготовления к персидскому походу. Третье лето пропадали без вести геодезисты. Чириков тем временем закончил курс в Академии, пробыл две навигации на кораблях Балтийского флота и по ходатайству профессоров вернулся в классы учителем нового набора геодезистов. Ветераны петровского флота пророчили юному унтер-лейтенанту карьеру моряка-ученого. Федосей Скляев без колебаний выдал за него Феничку. Свадьбу сыграли на берегу Невы, в тесной Исакиевской церкви, в присутствии царя, генерал-адмирала и прочих флагманов. Спустя неделю Петр отправился вниз по Волге в персидский поход и на сутки задержался в Казани. Там, на исходе третьего года, предстали перед царем заросшие дорожной грязью геодезисты. Денно и ночью, подряд восемь месяцев, загоняя лошадей, скакали к нему с берегов Восточного океана, чтобы рассказать обо всем, зачем ездили на край света.

Возвращение их прошло почти не замеченным: страна жила персидским походом. Впрочем моряки дознались, что царь объявил благодарность посланцам: значит, они успешно выполнили его поручение. Расспрашивать геодезистов было бесполезно: они отшучивались или молчали. Евреинов уехал на побывку в Москву и вскоре погиб; Лужин опять поступил в Академию и находился в ней до назначения в экспедицию Беринга.

Текст инструкции, зачитанный царем на прощальной аудиенции, несказанно поразил Чирикова. Петр возлагал на экспедицию задачи, порученные ранее геодезистам. Гордясь доверием, польщенный негаданным повышением прежде срока в чин лейтенанта, Чириков не преминул подивиться тому, что вновь надлежало искать

пролив между материками. За что же получили благодарность геодезисты?.. Он поделился своим недомыслием с Берингом. Капитан одобрительно посмотрел на него: ему понравилась рассудительность помощника. По словам Беринга, царь посылал Лужина и Евреннова проведать путь к островам сокровищ на Восточном океане. Воспитанный, подобно всем западно-европейским мореплавателям той эпохи, на традициях космографии, капитан был убежден в существовании таких островов и заранее радовался возможности испытать фортуна. Чириков скептически отнесся к рассказу командующего, ибо принадлежал к молодому поколению моряков, которое стояло на голову выше своих учителей. Оно брало от космографии все пригодное и отбрасывало то, что составляло удел досужей фантазии. Здравый смысл человека, свободного от предрассудков, подсказывал лейтенанту уверенность в нелепости собранных в космографии слухов о черве, рождающем золотой песок, об островах из драгоценных камней. Он честно высказал капитану свои мысли. Беринг усмехнулся и порекомендовал расспросить геодезиста. Лейтенант так и поступил, но Лужин упорно отмалчивался, пока не замолчал навсегда, сраженный цынгой и голодом на перевале у Юдомского Креста. Тайна вояжа осталась неразгаданной. Кто помышлял, что она затерялась в пожитках, завещанных пьянчужке иеромонаху?

Дневник начинался рассказом о вызове геодезистов в царский домик на берегу Невы:

«... С душевным трепетом переступили мы порожек государева кабинета. Господин генерал-адмирал Апраксин сидел в кресле за круглым столом, а государь, прислонясь к конторке, показывал генерал-адмиралу лекальную бумагу.¹ На оной приметил я план нового корабля, штгилезованный, надо полагать, самим государем, который зело искусен в корабельном деле и спорит

¹ Чертеж.

в сем с иноземными и нашими ботовых дел мастерами. На столе, яко жезлы нептуновы в три зуба, стояли шандалы,¹ меж ними великий земной глобус. Огарки свеч в шандалах еще курились: должно быть государь бодрствовал во всю ночь напролет.

Подозвав нас к себе и поглядев в глаза, он молвил с приветною улыбкою:

— Здорово, птенцы мои. Хочу препоручить вам дело достойное. Но прежде, нежели об нем поведать, желаю слышать ваши познания в науке географической.

Признаться, мы оробели изрядно, хотя и знали о сем предмете, яко нас в навигацкой школе и в академических классах обучали.

— Ведомо ль вам что об Анианском проливе, також о Восточном океане? — спросил государь.

Иван Евреинов отвечал, будто на экзамене господину профессору:

— Страна Симова жребия² спадает в море-океан Восточный близ царства Китайского, которое меж востоком и полуночью стоит в углу сего моря-океана. А ехать к тому морю надобно чрез сибирские земли по рекам великим Иртышу, Енисею, Лене, Амуру до Камчатки, а далее простирается конец света зримаго. За ним на восток море-океан протягается к Новой Гишпании; к полуночи граничит сциты и татаре и многие незнаемые дикие люди живут; к западу ханский рубеж; к полдню разные острова, означенныя в книге, глаголемой: «Космография, сиречь описание сего света земель и государств великих».

Государь слушал с вниманием и, тем ободрясь, Иван брякнул про то, что слышали мы в остерии от иноземных мореходов:

— Еще знаю о золотых и серебряных землях на Восточном океане, где есть острова, кои распускаются

¹ Подсвечники.

² Космографическое название Азии.

В воде наподобие сахару, но то не сахар, а минерал-руда, серебряная и золотая.

Господин генерал-адмирал посмеялся:

— Сия побасенка для увеселения штатлизована корабельщиками.

Государь, хмуря чело, обратился ко мне:

— Тот и тебе ведомо, Федор Лужин?

Я репортовал, что сказанное Евренновым своими ушами слышал.

Господин генерал-адмирал разгневался:

— Учиться след, а не в остернях бражничать да побасенкам внимать! Сказывают их яржки иноземныя для пущей славы.

Государь улыбнулся на те слова генерал-адмирала и сказал нам:

— Тайнство моря-океана Восточнаго от незнания человеческого происходит. Науке нашей многое неведомо и для того призвал я вас, господа навигаторы, дабы вы службою своею на пользу науке и отечеству послужили. На сем глобусе, на грани с Нордным морем, означен пролив Анианский, которым будто можно пройти из Норднаго моря в тот океан, ежели плыть из Белаго моря мимо Сибири. Доподлинно о таком пути никому не ведомо. Соединяется ли Азия с Америкою или нет — важной всегда был вопрос меж описателями земповоднаго нашего шара. С одной стороны кажется, что по изображенному на разных географических и морских картах Анианскому проливу соединения быть не должно; с другой стороны принято и то в рассуждение, что никто не может показать с достоверностью, когда и кем оной пролив найден. О том писал мне и господин философ Лейбниц в бытность мою в Пирмонте на водах. Только в одном месте, — оное в нашем государстве, — граница Азии и Америки не исследована и земля тянется на Норд к Ледовитому мысу.¹ Тамо по мнению

¹ Нилле мыс Дежлева.

господина Лейбница близко напротив мыса и есть норд-ная часть Америки. И потому просит он, також и Парижская Академия, узнать, соединяется ли Азия с Америкою или они разделены проливом.

Проговорив сие, государь подвел нас к глобусу и, показав путь из Санкт-Петербурха на восток, продолжал свою речь:

— Завтра поутру ехать вам, господа навигаторы, до Вологды и далее до Тобольска и от Тобольска, взяв провожатых, ехать до Охотска. Тамо сесть на лодию, которая в третьем годе проведала путь чрез Ламскос море в Камчатку, и, ежели она в исправности, плыть на ней до Камчатки, ежели в негодность пришла, строить новую. Прибыв в Камчатку, надлежит вам описать тамошния места и сошлась ли Азия с Америкою и тщательно сделать не токмо зюйд и норд, но и ост и вест. И все на карту исправно поставить.

Он повернулся к господину генерал-адмиралу.

— Покличь, сват, Макарова, пусть пожалует инструкцию составить для господ навигаторов.

Генерал-адмирал немедля удалился, а государь тем часом негромко молвил:

— Внемлите, птенцы. Подлинная инструкция на словах, кои услышите от меня. Следовать ей неуклонно, не обмолвясь никому, какого б звания кто пи был...

И он поведал о том, ради чего призвал нас. Но о словах государевых то не ныне речь.

— Чтoб крылья у вас не были связаны, — сказал он, заслышав шаги в коридоре, — дам вам иную, письменную инструкцию, а ежели кто из воевод будет упрямствовать в спрашивании, отвечайте, яко перед попом на исповеди, что де посланы мною для узнания, сходится ли где Азия с Америкою...

Вошли генерал-адмирал и кабинет-секретарь Макаров.

— Пиши, — приказал государь, придвигая к Макарову бумагу с косицею: ¹ — ехать вам до Камчатки и далее куда указано.

Генерал-адмирал подивился краткости инструкции.

— Куда ж ехать, про то они знают твердо, — успокоил государь генерал-адмирала и вручил нам инструкцию. — Ныне ж явитесь в Адмиралтейц-Коллегию за прогонами на дорогу, да коль захотите с кем посошок ² распить, не мешкайте. Поутру ж скачите без усталости.

Он обнял нас и перекрестил напоследок.

Мы пожелали здравия государю и господину генерал-адмиралу, а поутру отбыли из столицы в путь дальний . . .»

Дойдя до описания путешествия Лужина и Евренова через Сибирь, лейтенант долго размышлял о причинах, побудивших Петра послать геодезистов за тридевять земель. Почему царь столь тщательно оберегал от всех приближенных истинное назначение вояжа и не доверился даже Апраксину? По дневнику Лужина следовало судить, что всемогущий царев сват Федор Матвеевич знал о цели поездки не больше других. Что же скрывалось за словами: «и далее, куда указано»? . . . Любопытство Чприкова возрастало с каждой прочитанной страницей. Он быстро одолел записи, посвященные месяцам скитаний геодезистов по сибирскому бездорожью. Путь до Охотска был знаком лейтенанту по недавним мучениям, испытанным всеми участниками экспедиции Беринга.

« . . . В десять дней переплыв Ламское море, мы вошли в устье камчатской реки Ичи, — писал Лужин. — Кондрат Мошков сказывал, что в прошлый вояж ³ здеш-

¹ Перо.

² Прощальная чаша.

³ Еще до поездки геодезистов Петр приказал сибирскому губернатору послать грамотных людей для осмотра всех берегов во круг Камчатки. Экспедиция, названная «Большим Камчатским нарядом», была поручена якутскому воеводе полковнику Ельчину,

ние камчадалы, завидев лодию, со страху побежали безоглядно, побросав свои дома, кои по справедливости надлежит именовать ямами земляными. Есть иные для лета дощатые балаганы на столбах, и ветер колеблет сии жилища, яко волны корабль в непогоду.

Ради позднего времени Мошков спрашивал нашего позволения остаться с лодией на прозимовку в реке Иче. Обсудив, просьбу его уважили, а сами перебрались на камчадальских нартах, куда по десять и более псов впряжены, в Нижний острог. С нами прибыли государствены прикащики — Бобровский и Шестаков. Оный Шестаков — человек фальшивый,¹ великой амбиции и корыстолюбив чрезмерно, яко и господин его князь Гагарин. Спит и чащину² зрит.

Нижний острог обнесен стоячим тыном, в нем на полдень изба ясашная, на запад аманатская казенка, где прикащики держат малолетних инородцев без-

медлительному, нерасторопному человеку. Он и провалля ее. Практическим результатом четырехлетней деятельности «Б. К. Н.» было плавание казака Татарнинова, нашедшего близ устья Амура богатые пушным зверем Шантарские острова, и вояж на Камчатку архангельских мореходов Кондратия Мошкова и Никифора Трески, прибывших в Охотск по воле Петра для того, чтобы установить связь с камчатскими острогами через море. Ибо путь по берегу был долг и ненадежен: нередко воинственные камчадалы, уплатив царским прикащикам ясак, нападали на ясашные обозы и силой возвращали себе пушнину.

Лодия, построенная мореходами, была крохотным, скудно оснащенным судном, совсем непохожим на боты и шнявы адмиралтейских мастеров. Сибирский губернатор князь Гагарин, впоследствии повешенный за беспримерное взяточничество и казнокрадство, в обреш отпустил Мошкову холста для парусов и железа для якорей. Губернатор предпочитал сбывать железо иным путем: ламуты и звенки давали за железный котел столько соболиных шкур, сколько ухитрялись натолкать в него вороватые гагаринские прикащики. Славив лодию, мореходы отплыли в первый рейс через Ламское море и только спустя год вернулись в Охотск. Там они встретились с геодезистами и, повинаясь царской инструкции, поступили в их распоряжение.

¹ Лживый.

² Взятку.

выходно, пока сородичи аманатские сполна ясаж не внесут; над воротами острожными башня с крестом медным и две пушки. Возле острога сорок дворов казачьих. Дни и ночи казаки в ясашной избе, чинят в ней с прикащиком суд и расправу над камчадалами, бражничают, в зернь и в карты играют на кабальные записи, на женок с чадами. Иная баба в один день у трех господ побывает.

Места камчатския не в пример охотским и якутским климату благоприятнаго, изрядно имеют соболей и медведей, а жители, ежели ударят копьем по воде, редко не вытащат рыбу. Обычай их диковинными почитать следует, особливо кривлянья, коими они подражали всякому нашему слову и повадкам, також крику птиц и зверей на разныя голоса.

Поселение тех инородцев стоит близ гавани: тридцать балаганов на столбах. Под ними на вешалах сохнет красная рыба. К столбам псы привязаны и нещадно воют от голоду и обиды на хозяев: те им корм задают однажды в сутки, чтоб они проворнее в езде были. Над балаганами черным-черно от сорок и ворон — птицы священной по камчадальской вере и предерзкой: юколу не токмо у псов, но из рук у людей вырывает.

Полубовались мы их уменью на свадьбе, куда зазвал нас Кондрат Мошков, прибыв с лодией после прозимовки из Пчи.

Свадьбу святил пои острожный за восемь соболей. А женился малый парень годов осьмнадцати на вдове с дочерью, что дозволено по обычаю дикому, також и на двух сестрах жениться, а пасынку на мачехе, а приятелям меняться женами. Сие отнюдь не зазорно для них, яко и то, что удавливают они младенца, ежели двое народятся, а старых людей принуждают помирать голодною смертью, а когда и убивают.

Камчадалы при Нижнем остроге крещены в православную веру, однакож и по сей день поклоняются идолам прежним и птицам. В балагане том на столбах,

где справляли свадьбу, после пона старый инородец пел и кривлялся, а гости внимали его кривляньям с пущею охотою, нежели когда поп хмельной возгласил многая лета. С непривычки опасались мы, что балаган от людского множества наземь повалится. Гостей набралось десятков шесть и более: мужики в желтых штанах и желтых рубахах из кож морского зверя, ольховою корою крашенных, бабы в платьях из камки, на голове косник,¹ златом шитый, яко у дам на Санкт-Петербургской ассамблее, на шее корольки² цветные, на руках перчатки без шерстов, а персты до того нечисты, что противность обуяла, когда потчевали они нас селегой. Еда селега из кореньев и толченых орехов, сварена в жире зверином и рыбьем, а вкусом похожа на мыло. Угощали нас камчадальския прелестнигы и белую глиною, подобной той глине, которую видали мы у охотских ламутков. С виду она яко сметана и па вкус приятна. Еще угощали нас красною икрою рыбьею, а едят ее с древесною корою. Хлеб в здешних местах не водится, хотя по климату Камчатка годна для хлебопашества. Жители про то не ведают, а прикащики токмо и знают ясак выколачивать да вымучивать.

Вина в балагане не было вовсе, но к немалому нашему удивлению гости и хозяева охмелели с грибов, водою заливая те грибы ноганыя.

— Тако пировать будут седмицу,³ — сказал нам Мошков, и мы ушли в гавань на лодию.

Гавань при Нижней Камчатке возлегла у гор, вечно покрытых снегом и в ту пору, когда в гавани теплота воздуха размягчала смолу в палубе лодии. Но ледяную холодность не должно принимать за истинную, в чем убедились мы. Позорище⁴ увиданное столь не-

¹ Лента, повязка

² Бусы, бисер.

³ Неделю.

⁴ Зрелище.

Камчадал (из книги С. Крашенинникова
"Описание Земли Камчатки" изд. 1786 г.)

постижимо уму, что не в силах я описать его величие. Среди ясного неба грянул гром и померкло светило, заслоненное черною тучею, вознесшеюся над горою. Горячий пепл посыпал сушу и море, а люди в остроге молились за упокой душ своих. С ужасом взирали мы на башню острожную. Крест ее шатался наподобие корабельной мачты в бурю. Зеленъ на горах увяла и почернела от грязи, вершины гор колебались, земля окрест гудела и с трепетом глядеть привелось на буйство морских вод в самой гавани. Будто настала великая непогода. Вода то убегала прочь в море, то устремлялась к берегам и носила напуганную лодию по гавани. Земли тряс¹ длился без малаго с четверть часа, а тогда все обрело спокойствие и неподвижность. Лишь чернота гор да непрестанный от страху вой псов у камчадальских балаганов вещали нам про то, что сие позорище подлинною явью было...

Таинственный край света вставал со страниц путевого журнала. Это было заочное знакомство Чирикова с камчатскими нравами и обитателями: первобытно невежественными аборигенами, среди коих возможно жили неведомые никому прямые потомки спутников Дежнева, и не менее дикими аргонавтами из сибирских острогов, забредшими на грань Симова жребия и Восточного моря-океана ради золотого руна того века — «собольей и лисьей и бобровой казны».

«... А ныне, — читал лейтенант, — перешли из Нижней Камчатки в реку Большую к острогу, чтоб изготовить лодию для дальнего вояжа, и успели на лай громкий. На острожном дворе, — острог немалый с казенным анбаром, приказною избою, аманатскою казенкою да пушками, обнесен тыном стоячим, — шумели государев прикащик в шубе собольей и монах малорослый безбородый, а казаки, обступив их, зубы скалили. Подоспели мы в час, когда монах поносную речь кричал:

¹ Землетрясение.

— Которые де люди и царубойцы, и те де живут, приставлены у государевых дел, а не велик дело, что на Камчатке прикащиков убивать!..

— Постой, постой, да ты птица мудреная, — сказал, ухватив его за плечо, Иван Евреинов. — В кого ж метил, царубойцей срамя?.. С плетьми, с батошьем да с шелепами¹ спознаться надумал?

А прикащик слезную жалобу принес:

— Велите, господа навигаторы, услать смутьяна за море, от него на Камчатке в народе великое возмущение.

— Шелепы не мне готовьте, господа навигаторы, а сему чащиннику, государеву казну он ворует, — преддерзко молвил монах, указуя на прикащика. — Я ж государю нашему под владение новья землицы сыскал...

Он ткнул рукой на полдень, где синела над морем гора высокая и дымом в небо курилась. Мы еще в пути к Большому острогу приметили ее и дивились словам Мошкова, будто до нее верст с полтора ста, а плыть надобно двое суток.

Заслышав похвальную речь монаха, виду не подали, что он кстати нам повстречался, и допрос ему учинили государевым именем:

— Что за человек? И откуда взялся в остроге здешнем?

Он же отвечал смиренно:

— Ицок Игнатий из пустыни близ Нижней Камчатки. В мире звался служилым есаулом Иваном Козыревским...»

Словно сквозь туман возникло перед Чириковым чье-то сухощавое лицо, лукавые глаза, тонкие губы, в коих затаилась усмешка. Припоминая недавнюю встречу, лейтенант продолжал читать:

— «... Так те земли, что на полдень лежат и курятся, точно тобой проведаны? — приступил я к монаху.

¹ Мешки с песком.

Камчадалка (из книги С. Крашенинникова
„Описание Земли Камчатки“ изд. 1786 г.)

Он кивнул.

— Мною с Данилком Анцыферовым, убиенным инородцами. В прошлые годы ходили с ним на карбасах в искупление вины своей и опосля челобитную государю подавали и чертеж тех земель до Ниппонского царства, мною ж написанный.

Евреинов мигнул ему неприметно одним глазом, чтоб держал язык за зубами, и сказал грозно:

— За те поносные речи доставлен будешь в Якутск под караулом. Ступай с нами.

Монах оказался пронирую.

— Не к тем землям путь ваш? — полюбопытствовал он, едва мы покинули двор острожный.

— Туда, не туда, а ты, иннок, сметлив не в меру. Помалкивай, не то впрямь плетей отведаешь.

Он забожился, что пребудет, яко бессловесная рыба.

— Другой чертеж тех земель составишь, — приказал я.

— То недолго.

— А что ведомо тебе? Народы какне на тех землях обретаются, чем кормятся и что промышляют?

На расспросы отвечивал монах такую речью:

— В прошлые годы, взяв с собою толмача¹-полоняника Ниппонского царства, именем Сана, перегребли мы от Камчатки через перелев² за десять верст к острову Шумшу каменному. На нем ручьев изрядно и в них рыбы красной, а соболей и лисиц на острове не живет и бобрового промыслу и привалу не бывает, а промышляют Курильские мужики нерпу. Скопився во многолюдстве, они дали с нами бой крепкий. Божиею помощью мы у них десять человек побили, а иных многих испереранили и три карбасы у них отбили, и языков взяли боем да одежды крапивныя и шолковыя, сабли, и котлы. Показали языки, что одежду и снаряже-

¹ Переводчика.

² Проллив.

ние получают с иной земли версты с четыре от Шумшу. Оная земля Пурумуширом¹ зовется, что по курильскому значит Великий остров. Приставали мы к нему возле горы, которая пламя и дым извергает. Остров Пурумушир верст на сто длиною, многолюден, бобров при нем несметно, а кроме ерника и малаго сосняка ничего не растет. На берегу приносный лес имеется. Жители пурумуширские зело мохнаты, руки и ноги чернят, губы у мужиков на середине вычернены, у баб целиком, а руки расшивают оне — бабы — узорами черными почти по локоть и серебряныя кольца в ушах² носят. К приезжим благосклонны, в житии необходимы, ткнут холст из крапивы, делают орловыя косицы для стрел, торгуют ими, лисицами и бобрами с жителями других островов в полуденной стороне. Никем не обясачены и никому не подвластны, и можно их в подданство привести под высокую руку государеву, да мы не посмели за своим малолюдством и за скудостью пороховою. Поодаль от земель Шумшу и Пурумушира еще великая гора стоит и вовсе безлюдна. Ее и видите с сего места, господа навигаторы. Камчадалския мужики сказывают про нее, будто помянутая гора стояла прежде посреди озера на Камчатке. И понеже вышиною у всех протчих гор свет отнимала, то оныя непрестанно злобились на нее, пока она от беспокойства не удалилась в море. За опозданием морскаго пути² на иных островах мы не были. Токмо от языков и толмача выведали, что на шестом острове жители некую минерал-руду добывают, а всех островов пятнадцать, за ними главный город Нипонского царства лежит...

Поведав сие, монах молвил:

— Господа навигаторы. Ежели путь к Нипонскому царству держите, дозвольте плыть с вами.

¹ Парамушир.

² Т. е. в связи с окончанием навигации.

Мы посмеялись той прыти.

— Государева инструкция велит нам проведать Аниапский пролив меж Азией и Америкю, к нему и путь наш, а чертеж островов понадобится впредь, — проговорил на то монахово прошение Иван Евреинов. — Пинин чертеж, не отлучаясь из острогу, а когда из вояжа возвратимся, ехать тебе с нами в Якутск...

Теперь лейтенант вспомнил обладателя тонких губ и лукавых глаз.

Встреча с ним произошла год назад на крыльце дома в Якутске, где квартировали Беринг и Чириков, в душный июльский день, помраченный дымом непрекращающихся пожаров. Лето прошлого 1726 года выдалось на редкость засушливое: ни разу не перепал дождь, трава на приленских поймах пожелтела от зноя и, колеблемая горячим ветром, шуршала, как спелый колос. Вокруг Якутска, заслоня солнце и даль пеленой гари, на сотни верст горела тайга. Почти ежедневно занимались пожары в городе: из трехсот городских строений семьдесят сгорели до-тла. Лена, обмелев, покрылась желтыми пятнами голых песчаных островов. Скука и тоска донимали участников экспедиции. Исполнилось полтора года со дня выезда их из Санкт-Петербурга, а они все еще не выбрались на берег Восточного океана. Заедало сухопутье. Казалось, не будет конца постылому сидению в промежуточных сибирских городах: в Тобольске, где экспедиция разрослась за счет солдат, пушкарей, плотников, кузнецов, иеромонаха, дьячка и даже понамаря; в Илимском остроге, пока набожный Беринг вкуче с причтом хлопотал о походной церкви для будущего корабля; наконец, в Якутске, чей воевода по царскому указу обязывался снабдить экспедицию провiantом и транспортом.

Сборы в тысячеверстный путь к Охотску были закончены, когда в гости пожаловал монах Игнагий, коего моряки знали по его весьма громким в здешних местах делам. Монах слыл ловким авантюристом: одно время

он подвизался в должности настоятеля Покровского монастыря неподалеку от Якутска, за расхищение монастырской казны был закован в кандалы, однако бежал из-под стражи, сумел втереться в доверие воеводы и, несмотря на протесты сибирского архиерея, стал управлять якутской канцелярией. Морякам прожужжали уши о его прежней жизни на Камчатке. За ним числилось немало таких поступков, за которые других людей предавали смерти: подстрекательство к мятежу против царских приказчиков, убийство покорителя Камчатки Владимира Атласова, самовольное управление Большерецким острогом. Используя недовольство казаков приказчиками, монах, известный в ту пору под скромным званием служилого Ивана Козыревского, возглавил мятеж, присвоил себе чин есаула и, желая уберечь себя от неминуемой кары, уговорил соучастников исследовать острова, лежащие к югу от Камчатки. Неведомо откуда Козыревскому было известно, что царь и сибирские власти чрезвычайно интересуются путем в Японию. Возвратясь на Камчатку, он составил чертеж Курильской гряды и послал якутскому воеводе, одновременно оговорив своих друзей. Некоторые из них впоследствии были казнены, а монах, доставленный геодезистами в Якутск, не только избежал наказания но даже получил в награду десять рублей от воеводы и приобрел славу проводывателя.

Взойдя на крыльцо, он принялся соблазнять Беринга богатством Курильских островов и всячески упрасивал зачислить его в экспедицию.

Капитан с любопытством выслушал монаха, рассмотрел принесенную им карту и заинтересовался причиной, побудившей его принять монашество.

Козыревский замялся и нехотя сказал:

— Присланный на место убиенных приказчиков Петриловский вымучил пожитки, привезенные мною с тех островов, да грозился повесить. Избавлен от смерти я тем, что пострижен.

— Господин капитан, — посоветовал Чириков. — Гоните прочь сего пройдоху. Его б давно и священства и монашества обнажить ¹ надлежало, да в цепях держать за воровство, а не в экспедицию писать.

Монах, сверкнув очами, кинул на лейтенанта взгляд бессильной ненависти.

— Инструкция велит нам иное проведать, — мягко отказал Беринг. — Посему не берусь вашу просьбу уважить, отец Игнатий. Путь наш к Анианскому проливу, отнюдь не к Нипонскому государству.

Козыревский усмехнулся и, поклонясь, пожелал капитану счастливого плавания. Он не верил ни единому слову Беринга, ибо точно так утверждали шестью годами ранее геодезисты, между тем их вояж не имел никакого отношения к поискам Анианского пролива.

Усмехнулся и Чириков, прочтя ответ Евреинова монаху и последующую запись Лужина:

«... Мая 22 дни пошли в путь свой из Большой реки, взяв мореходом Мошкова, кормщика Березина, плотника Федорова, матроза Яковлева и матроза Андрея Буша. Всея команды пятеро человек, да нас двое. Выйдя в море, объявили мореходу курс на полдень. Мошков, упрямясь, кричал, что Анианский пролив искать надобно не в той стороне, а плывя на норд, и грозился принести жалобу воеводе. Его лай надоел нам, и мы ткнули ему в нос инструкцию государеву: «ехать до Камчатки и далее, куда указано», а куда, то ему, Кондрату, знать не к чему. Мошков смирился. Тогда, поставив парусы, пошли к островам Курильским.

К ночи пал туман великий, а поутру непогода нагрнула и валы невиданной доселе вышины, свет заслоняя, терзали лодию, яко хотели. Сие повергло всех нас в страх, ибо от Камчатского кюста ² удалились изрядно

¹ Т. е. лишить сана.

² Берега.

с помощью куранта,¹ подобного реке, бегущей с крутизны. Острова двое, где приставал монах с казаками, також позади лежали, и не было мочи возвратиться к ним под защиту. Убрав парусы, дабы не унесло их в море, вручили себя воле божьей, не малую муку претерпев от сырости и от стужи. Во всю седмицу не обсушились и почти не сомкнули очей, оберегая государев инструмент — градшток, ноктурнал и квадрант с часами.

Непогода улеглась, когда склонением² пригнало нас к третьему острову. Подойдя к нему, увидали безлюдье и скудость природы: токмо выкидной лес, а выше на склонах малый сосняк средь камней и орловые гнезда. Вершины на острову не приметили за облаками, ее окружающими.

Проплыв далее, в исходе мая прибыли к шестому острову. Обошли кругом его в искании безопасной гавани; оную обрели на полуденной стороне, где и строения имеются. Насилу подгрести, лавируя средь морской травы, которая наипаче удобна морскому зверю, во множестве здесь обретающемуся: морские львы длиною в полторы сажени и весом в сорок пуд, морские коты в половину льва, морские бобры малые и тюлени.

Остров высок, из гор черных, где преизрядно сосняку, листвяку и ельнику, також произрастает гишпанский тростник.

Наказали мореходу и служителям лечь на якорь и не отлучаться с лодии, а сами на сушу сошли, встреченные тамошними жителями, схожими с теми, про коих монах сказывал. Островныя люди с камчатских инородцев ростом, сложения крепкаго, волосом черны, телом мохнаты, носят бороды окладистыя до пупа. Имеют луки и стрелы орловы, напоенныя ядовитым зельем из корня желтаго, в изобилии растущего меж камнями.

¹ Течения.

² Дретифом.

Нраву пригүтнаго, что нам испытать и довелось. Старый мохнач, почитаемый протчими за главнаго, рукою поманил нас и молвил на своем языке, а что говорил, то мы без толмача понять не сумели. Видя, что неприянь нам не чинят, пошли с мохначами к домам их, подобным юртам якутским, строеным из выкпднаго лесу, который приносит морем. В тех юртах приметили железныя домовы потребности — котлы, сабли, ножи, посуду. Бабы островныя також мохнаты, наряжены в платья крапивныя и июлковыя, в ушах серебряныя кольца, а сами пригожи собою. Утощали нас рыбою всякою, кореньями, да ягодами.

Были на шестом острове два дни.

Раздобыв, что надобно, возвратилсь на лодню и пошли в Камчатку, но не успев удалиться в море, попали в беду. Жестокий ветер поднял водяныя кручи. Лодню вертело, яко щепу в омуте. С трудом легли на якорь, молясь, чтоб не привалиться к скалам. В третій день непогодою изорвало парус и якорный канат и повлекло нас в море, пока чрез седмицу не принесло на вид дымящей горы. Подойдя к ней, признали остров Пурумущир. Мореход и служители просили позволения пристать к острову для исцания питьевой воды и провианту, ибо непогода лишила нас припасов, и два дни росинки, ни крохи во рту не имели. Вместо якоря кинули малую пушку и наковальню и тем держались на месте, пока матрозы искали воду и промышляли нерпу и рыбу. Токмо беда не разлучалась с нами. Когда поднимали пушку с наковальнею из моря, канат лопнул, ветер и курант подхватили лодню и понесли, куда глаза глядят. Обессилев, блуждали мы в море до исхода июня с негодными парусы и сартами¹ среди тумана и сувоя² и зело удивительно, что живы остались. Служители впали в уныние, а Мошков колдовством занялся по

¹ Вантами.

² Приливного водоворота.

обычаю мохнатых островитян и деревянные части в море кидал, прося Нептуна не лишать живота.

В исходе июня прибыли в Большую реку. Стали против острогу и, готовясь в обратный путь чрез Ламу, приступили к ремонту. Мошков сделал из лесу два якоря и оковал их сковородами железными. Матрозы чинили парусы и прочия снасти, а мы разбирали жалобу, принесенную казаками на прикащика Алексея Шестакова. Оный пройдоха, не успев прибыть в Камчатку, занялся во вред государю чащинами и вымучиванием пожитков у служилых. В том убедясь самлично, схватили вора, отписали ворованное в государеву казну, а самага Шестакова, отрешив от службы, увезли в железных поручнях и поножнях. Прихватили с собой и монаха, дабы впредь парод не смущал.

Июля 12 дни пошли в море из реки Большой и в исходе того ж июля месяцы благополучно пригребли в реку Охоту к острогу.

Чертеж монахов исправили, написав ландкарту с шестью островами для государя...»

Чириков призадумался. Неужто геодезисты совершили вояж только для того, чтобы составить карту Курильской гряды, более точную, чем предыдущие чертежи. Правда, плавание Евреинова и Лужина принесло немалую пользу: они подтвердили рассказы о существовании архипелага между Камчаткой и Японией и достигли шестого острова, где до них не бывали европейские мореплаватели. Но ради известия о новых Курильских землях и пути в Японию стал бы Петр облекать тайной вояж геодезистов?.. Конфузия якутского властителя, пытавшегося проникнуть в суть поручения, развеселила лейтенанта. Пользуясь правом контроля, — таков был указ царя, предписавшего воеводам наблюдать за присылаемыми на места выпускниками Академии и школ, «дабы не беспутствовали и не ленились», — снедаемый любопытством (нарочный из Охотска доставил жалобу Мошкова, в которой тот сооб-

щал о плавании к шестому острову и называл вояж бесполезным), воевода направил к Лужину и Евреинову приближенного человека. Последний без обиняков осведомился у них:

«... Что с приезде сделали и ныне что делаете?

— Нещичко,¹ не воеводе припасено, — сказал я. — Ступай с богом, гость незванный.

Он разобиделся и прочел нам волю воеводы:

— А буде по данным им пунктам дела не окончили, велеть оканчивать в скорых числах и для того послать нарочнаго из дворян, которому велеть надзирать за оными геодезисты, чтоб они имели сущее тщание и немедленное в том деле исправление, и записывать имянно, сколько где будет жить и что учинили и впредь учинено будет.

— Надзирать тебе препоручено? — спросил Иван Евреинов.

Тот дворянин, надув щеки, с важностью потребовал опять у нас ответа, куда и зачем ездили.

Сие услышав, Иван Евреинов показал ему шиш.

— Видал? Коротки руки у твою господина воеводы! Передай на словах: пунктов нам не дано, а велено нам отправлять по данному нам наказу за собственною его царскаго величества рукою, по которому мы, что надлежит, отправили, о котором отправлении будем ответствовать самому его царскому величеству!

Дворянин посланный заартачился, да мы надавали ему вдоволь подзатыльников и выбили в шею на двор...»

Лейтенант посмеялся над неудачей воеводы и, бегло ознакомясь с описанием возвращения геодезистов через Сибирь, добрался до главного:

«... Не доезжая Казани, получили известие, что государь с войском и флотом идет вниз по Волге-реке в персидский поход на Хвалынское море. Перепрываясь

¹ Тайна.

через реку на он пол,¹ прискакали в Кремль казанский и явились государю. Кабинет-секретарь не признал нас и разгневался: «Куда лезете с неумытыми рылами?..» Увидав же инструкцию, им писанную, единым духом исчез в покоях, отведенных государю.

Оробели мы, ожидаючи, яко три года тому назад, когда были призваны из классов и предстали пред государем и господином генерал-адмиралом: а что ежели худо исполнили порученное?.. Грозен государь в гневе!.. Глянули друг на друга, молчим и слушаем, об чем речь ведется в покоях. Сдается, голос знаком, а догадаться не догадаемся.

— ... А как вашему величеству известно, сибирския восточныя места и особливо Камчатка от всех тех мест и филиппинских, и нипонских островов до самой Америки по западному берегу... не в дальнем расстоянии найтись можно. И потому много б способнее и безубыточнее российским мореплавателям до тех мест доходить возможно было против того, сколько ныне европейцы почти целыя полкруга обходить принуждены. Посему снарядить экспедицию из Архангельска чрез Нордное море кругом Сибири, и ежели Азия и Америка разделены проливом, то проплыв им до Камчатки и Охотска, взять новыя земли под владение Российской державы до рубежей с Китаем.

На сие быстрый ответ государя последовал:

— Слушай, я все то знаю, да не ныне, да то далеко... Покличь птенцов, Макаров.

Кабинет-секретарь встал в дверях:

— Пожалуйте, господа навигаторы.

Мы вошли, конфузясь за свой вид дорожный, — обросли грязью по уши, — и по уставу репортовали о прибытии. Поглядел я на государя, на седину в кудрях, коей не было в третьем годе. Защемило сердце.

¹ На другую сторону.

— Возмужали вьюноши... — Государь приветно поздоровался с нами. — Ну, выкладывайте, с чем прикакали. При Соймонове говорите, яко наедине со мною.

Тут мы диву дались, завидев в углу горницы собеседника государева: то был прежний наш одноклассник в Сухаревой балне,¹ тезка мой Федор Соймонов. Кто из нас помыслить мог, что станет Федор главным советником государевым в делах флотских, хотя и при невеликом чине капитан-лейтенанта? Судьба человеческая! Кому дано свой талант знать?.. А пынеж господин Соймонов обласкан милостями немалыми и в чинах пребывает высоких: Сената обер-прокурор да генерал-кригс-комиссар...»

Обрамленное буклями припудренного мукой парика умное, выразительное лицо и подвижная, несмотря на тучность, фигура Федора Ивановича Соймонова с голубой орденской лентой через плечо, зеркала, отражающие блеск свечей в шандалах, разношерстную толпу гостей, ярко освещенное зало, где чинно выступали в медлительном менуэте бесчисленные пары, всплыли перед глазами Чирикова. Лейтенант услышал плавную музыку, шарканье множества ног, выкрики маршала ассамблеи в особняке генерал-кригс-комиссара, куда был приглашен вместе с Берингом за неделю до отъезда из Санкт-Петербурха в экспедицию. Соймонов, зазвав моряков в свой кабинет, долго и настойчиво, не поясняя причины, предупреждал их не соблазняться поисками таинственных земель Штатов и Жуана де Гамы, о чьих богатствах распространили слух заезжие корабельщики.

— Путь ваш, господа мореплаватели, начертан волею безвременно усопшего Петра Великого — искать проход меж Азией и Америкю в Норднсе море из Восточнаго океана. Успех предприятия вашего великую

¹ Там находилась первая наша морская, т. е. навигацкая школа, о неудобстве местопребывания которой сказал кто-то из адмиралов: «близко к богу и далеко от моря».

службу сослужит государству Российскому на веки вечные. О том памяуйте, не унывая в борении с трудностями, коих на пути вашем не счесть, ибо в неведомое отплываете . . .

Напутственные слова моряка-пагриота глубоко запали в память Чирикову, но до последней минуты он не предполагал, что есть неуловимая связь между ними и вояжем геодезистов. Теперь многое предстало иным: Соймонов, как мыслилось лейтенанту, намекал на неразгаданную никем из современников тайну путешествия Лужина и Еврепнова.

Тень легла на страницы тетради.

Чириков обернулся.

В оконце руфа торчала кудлатая голова Мошкова.

— Господин лейтенант, — озабоченно молвил мореход. — На «Фортуне» бизань и драйвер убирают прочь. Должно и нам убавить ветрилы,¹ дабы не изодрало их непогодю. Велите служителей кликалугь, нето придется катовать² машты ради спасения живота. Гляньте окрест.

Он отступил в сторону от оконца.

Встревоженный лейтенант кинул взгляд на море.

День неузнаваемо изменился. Пенистые дуги гребней белели на бескрайних просторах холмистой пустыни. Охотский берег давно слился с горизонтом. Солнце село в штормовые тучи. Они, затягивая небосвод, грузно плыли навстречу экспедиционным кораблям. Чайки, вопя, сновали над мачтами.

Отложив дневник, лейтенант поспешно вышел на палубу.

Лодия, поскрипывая ветхим кузовом, по-старушечьи плелась за флагманским ботом. На его фокмачте, над гроздьями людей, крепящих паруса, развевался позывной сигнал. Командующий экспедицией извещал помощ-

¹ Паруса.

² Рубить.

шка о своем решении итти под зарифленными парусами наперекор буре.

— Надлежит избрать курсом склонение, — посоветовал осторожный Мошков. — Лодии нашей супротив волн ламских не выплыть.

Лейтенант резко прервал его.

— Не стращай людей, господин мореход! Путь проведывателя в непогодах означен, а ежели всякий раз поворачивать вспять пред ними, далеко ль уплывем?.. Пошел все наверх! Рифы брать! — скомандовал он, занимая место на шканцах.

Матросы ринулись к бушприту и мачтам. Предчувствие бури подгоняло служителей.

Грозовые сумерки низко нависли над морем.

Едва маневр был закончен и паруса зарифлены, налетел шквал. Под его напором выгнулись и томительно застонали стеньги. Ветер пронзительно заскулил в оголенном рангоуте. Холодный косой дождь застучал по дощатой крыше руфа и кожаным сумам с провиантом, заволок горизонт и флагманский бот. Волна за волной с глухим ревом выкатывались из штормовой мглы, шпня вздымались над бушпритом лодии и, разбиваясь о выступ полубака, струились вдоль палубы.

Круто накренясь, лодия взмыла на вершину гребня и тяжело рухнула вниз по откосу волны. Полубак до носовой мачты зарылся в море. Пенистые потоки, опрокидывая людей, стремительно хлынули через борт, выбили дверь руфа, ворвались в него, слизнули с коек вещи офицеров, вынесли их на палубу, швырнули под ноги лейтенанту ковчежец¹ с пожитками иеромонаха и растрепанные книги. Увлекаемый волной голубой квадрат дневника промчался мимо Чирикова. Лейтенант, ахнув, метнулся за тетрадь, но волна, ослепив его брызгами, унесла се за корму.

Корабль ненадолго обрел равновесие.

¹ Сундучок.

С полубака, где укрылись от ветра и брызг промокшие служители, раздалась неистовая ругань. Хмельной иеромонах, высунув из орлоидека¹ взлохмаченную бороду, громогласно слал проклятия непогоде, лишившей его пожитков. Матросы в ужасе внимали неслыханному кощунству попа.

— Укороти язык, преподобный ярыжка! — взревел суеверный Мошков и, столкнув иеромонаха с трапа внутрь помещения, захлопнул крышку люка.

— Кондрат! — позвал лейтенант и, когда мореход приблизился, вполголоса спросил: — Поелику ты был в том вояже к землям Курильским, что ведомо тебе нащет поручения государева?

Мошков насупился.

— Полагаю вояж господ навигаторов бесплодным! — прокричал он сквозь гул шторма. — Не разумея грамоте, не смею привести подлинных слов инструкции, которую объявил мне господин навигатор Лужин. Токмо скажу, яко памятую: «...ехать до Камчатки и далее, куда указано...»

Разочарованный Чириков прекратил расспросы. Греть о потере дневника было некогда. Шторм продолжался. Лодия, то взлетая на гребни, то проваливаясь в пропасти меж валами, упрямо ползла вслед за «Фортуной» — навстречу непогоде, к неведомым широтам Восточного океана.

Прихрамывая от удара, нанесенного дубовым ковчезцем, скользя по мокрой палубе, лейтенант пробрался к румпелю и стал возле рулевого.

— Держи гардевинд, Андрей Буш!

Он прислонился к стене ружа и, покачиваясь вместе с ней, навел подзорную трубу на запад, где в дождевой пелене, за неровными зубцами вспененных валов, скрылся гористый берег материка. Там, у изломанной штормом линии горизонта, уменьшаясь с каждым мгно-

¹ Кубрик.

вением, черной точкой мелькал среди барашков зыби ковчежец иеромонаха. Над ним кружились любопытные чайки. Голубой квадрат тетради с недочитанным дневником Лужина бесследно исчез. Тайна геодезистов и царя-адмирала сгинула в пучине Ламского моря.

Письмо из Охотска

Миновало двенадцать лет.

На исходе ненастной сентябрьской ночи, когда в пелене буса,¹ уныло морозящего над Охотским рейдом, возникли призрачные очертания кораблей, из командирской каюты пакетбота «Святой апостол Павел» вышли и остановились у борта два человека. Один из них, — сухощавый великан в затрапезном флотском мундире, — склонясь к спутнику и обратив к нему бритое моложавое лицо, тихо сказал:

— Зрите пред собою, досточтимый Федор Иванович, экспедиционную эшквандру: подобный нашему кораблю флагманский пакетбот «Святой апостол Петр», с коим назначено сообщать плыть для отыскания северо-западных берегов американских; неподалеку от него дубель-шлюп «Надежда», а ближе к устью галиот «Охотск» с провиантом для экспедиции.

Тот, кого моряк назвал Федором Ивановичем, низенький — до плеча собеседнику — старик с изуродованным носом и выцветшей бородой, спадающей на впалую грудь, едва прикрытую грязным рубищем, взволнованно прошептал:

— О том радуюсь, любезный господин капитан Чириков, что не угас дух Петров в мореплавателях наших, и штандарт² Российский поднят на Восточном океане с честью, яко и на Балтикуме. Плывите с благополучием умножать славу людей русских.

¹ Длющийся иногда по неделям мелкий дождь с туманом.

² Флаг, знамя.

Охотский порт в XVIII веке (из книги С. Крашенинникова „Описание Земли Камчатки“, изд. 1786 г.)

Он трижды перекрестил Чирикова и направился к трапу.

— Боцман . . . Сидор Савельев . . . — негромко позвал капитан.

Из груди спящих у мачты служителей мгновенно поднялся рослый моряк.

— Звали, высокоблагородный господин Алексей Пльич? — густым басом осведомился он.

Чириков приложил палец к губам.

— Не шуми, Сидор Савельев . . . Доставь гостя на сушу и без промедления возвращайся.

Боцман, подойдя к старику, вдруг отшагнулся.

— Рваныя ноздри! — изумляясь, глухо воскликнул он, приметив след клещей палача на лице незнакомца. — Варнак¹ охотский!

Старик резко нахлобучил на глаза шапку и, кивнув Чирикову, спустился в привязанную к бортлееру² лодку.

— Кто б ни был сей гость, об нем помалкивай, слышишь, Сидор Савельев? — спокойно предупредил капитан. — Ступай.

Боцман молча полез за борт.

Лодка выплыла из-за кормы корабля и, превратясь в черное пятнышко, вскоре слилась с дождевой мутью на рейде.

Чириков вернулся в каюту и, подсев к столику, — на нем белел наполовину исписанный лист бумаги, торчало из пузырька с чернилами хвостатое перо, чадила нагоревшим фитилем свеча в шандале, — перечел недоконченное письмо:

«Любезный друг Алексей Иванович. Не посетуй на долгое молчание мое. Прошлые годы столь испытать довелось, что не до okazji³ было. О тягостях наших

¹ Каторжник.

² Веревка вокруг всего корабля, прикрепленная с наружной стороны бортов.

³ Т. е. не было возможности, случая послать письмо.

знают леса сибирския да реки таежныя с тропами звериными. Немало корабельных припасов на себе волокли, а в многия дни падаль и коренья всякия ели. И не то было в тягость, что ходили мы босыми, строились на пустом месте, и все до угольев для кузнечных поделков и кокоры для кораблей сами делали, соль варили и смолу. Иныя трудности лбом прошибали, ибо немало пройдох, кои тщатся свою карьеру творить на несчастьи других, облыжно порочили экспедицию пред Сенатом и Адмиралтейц-Коллегиею: будто экспедиция напросилась ехать в Сибирь для наполнения своего кармана, и что от нее доселе приращения не учинено, да и впредь не надеется быть кроме великих казенных убытков; будто командующий наш вместо служения государственного погряз в корчемстве¹ табачном и винном.

Все сие враки, об чем и отписал я, когда господа Адмиралтейц-Коллегия приговорили мне рассмотреть жалобы кляузников на капитан-командора. Вины за господином Берингом не вижу, кроме напраснаго добросердечия к подчиненным служителям, особливо к офицерам экспедичным. То — свойство его натуры, а корабельное искусство, коим в должной мере обладает он, заслоняется, яко бусом охотским, его чрезмерною осторожностью. Оная пагубна истинному проводывателю, а господину Берингу вред принесла еще в прошлую экспедицию, когда по воле блаженнодостойныя памяти Е. И. В. Петра Великаго искали мы пролив Анианский и, возвратясь в Санкт-Петербурх, не представили достоверных известий сего открытия.

Причиною таковой неудачи была нерешимость Берингова. Августа 13 дня, когда бот наш прибыл на вид Чукотского носа,² господин командующий, не усмотря напротив носа иной земли, впал в долгое раздумье и, призвав обер-офицеров на консилию,³ сказал нам:

¹ Корчемство — торговля запрещенными товарами.

² Мыс Дежнева.

³ Совещанье.

— Понеже мы пришли на 65 градусѡв 30 минут севернаго краю и, по своему мненію и реляціи чукотской, дошли против крайнего конца к востоку от оной земли, что учинить: дале ли идти к северу? и сколь далеко? и когда искать гавани? и где?

Господин Шпанберг отвечал так:

— Понеже мы пришли в вышеозначенную ширину и на Чукотской земле нет гавани и дров для отщепления, рассуждаю, когда пройдем до 16 дня нынешнего месяца, мы тогда возвратимся искать гавани в Камчатке для охранения судна и людей.

Услыхав те Шпанберговы слова, я иной совет подали:

— Понеже известія не имется, до котораго градуса ширины из Севернаго моря у восточнаго берега Азии от знаемых народов европейских жители бывали; и по оному не можем достоверно знать о разделеніи морем Азии с Америкою, ежели не дойдем до устья реки Колымы или до льдов, — понеже известно, что в Северном море всегда ходят льды, — того ради надлежит нам непременно, по силе даннаго Вашему Благородію указа, подле земли идти, ежели не воспрепятствуют льды или не отыдет берег на запад, к устью реки Колымы до мест, показанных в означенном Е. И. В. указе; а ежели земля будет наклоняться еще к северу, то надлежит по 25 числе сего настоящаго месяца в здешних местах искать гавани, где бы можно было зимовать...

Господин командующій ничего не сказал на мое мненіе и токмо на третій день, когда бот пришел в ширину 67 градусѡв 18 минут, объявил свою волю:

— Ежели больше будем мешкать в северных краях, опасно, чтобы в такія темныя ночи и в тумане не прийти к такому берегу, от котораго не можно будет для противных ветров отойти; и рассуждая об обстоятельствах судна, понеже шверц и плей-ваглен изломаны, також трудно нам искать в здешних краях таких мест, где зимовать, понеже иной земли, кроме Чукотской, неизвестно, на которой народ не мирной и лесу нет. А по

моему мнению, — приговорил господин командующий, — лучше возвратиться назад и искать гавани на Камчатке.

Сие, любезный друг Алексей Иванович, истинная причина того, что не представили мы господам Адмиралтейц-Коллегии достоверного известия о нахождении Анианского пролива, хотя и поднялись гораздо выше его к северу. Ныне ж доподлинно репортовать можем, что достигли того пролива, и об отдельности Азии с Америкою по донесению штрафованного при здешнем остроге морехода Скурихина. Оный Скурихин похвастал пред служителями экспедиционными, что в лето 1732 года находясь при команде бота святого архангела Гавриила (бот строен нами при Камчатской гавани взамен «Фортуны» и лодии, на которых мы переправлялись из Охотского острога в прошлую экспедицию) ходил в море под смотрением подштурмана Ивана Федорова и геодезиста Михайлы Гвоздева, который Михайла был в академических классах в те прошлые годы, когда и мы в них премудростей набирались у господина профессора и бригадира Андрея Даниловича.¹ Служители донесли, что штрафованный мореход божился, будто бывал у Чукотского носа и, плывя от него на восток, видел сушу американскую. Допрошенный нами, оный Скурихин письменно показал под присягою правдивость своей сказки и об том, что репорт Михайлы Гвоздева, принявшего бот в командование за смертью подштурмана Ивана Федорова, подан в Охотскую канцелярию по возвращении бота из вояжа.

Сколь достойно удивления, что великой важности известие доселе было неведомо! Судить можешь, любезный друг, какова позиция здешних правителей к проводыванию истины географической, ежели донесение об отыскании Анианского пролива более восьми лет в забвении под спудом лежало при осторожной канцелярии!

¹ Фарварсона.

Репорт Михайлы Гвоздева найден на медной и прочтен мною и господином командующим. Идя с Камчатки тем курсом, каковым следовала ранее прошлая наша экспедиция, Гвоздев с Федоровым достигли Чукотского носа и, не в пример нам, пошли от него не вдоль берега Азиатского, но избрали курс к востоку. В направлении взятом обрели удачу, приплыв вскоре к неведомой матерой земле, где видели разной лес, растущий на берегу, людей на чукоч схожих, жилье всякое и зверей. Пробыв некоторое время близ той земли, возвратились к Чукотскому носу, полагая, что оный нос и земля найденная разделены проливом.

Досадую, что не мы доподлинно проведали о суше напротив Чукотского носа, яко гласила государева инструкция.

Однакож, радуюсь, ибо честь узнания раздельности Азии с Америкю принадлежит россиянам, об чем рассказал и господин историограф Миллер, Академиею Наук назначенный в экспедицию. Будучи в Якутске, отыскал он в тамошних архивах зело любопытное челобитье, поданное якутскому воеводе казаком Семеном Дежневым. Оный Дежнев в лето 1648 года, на кочах под веслами и ровдужными¹ парусами, прошел морем от устья реки Колымы на реку Анадырь, обогнув Чукотский нос. Посему господин историограф заключил не без резона, что Анианский пролив давным-давно пройден русскими опытовщиками . . . ».

На этом письмо обрывалось: капитану помешал визит варнака. Ночь без сна провел Чириков наедине с гостем, внимая его рассказу о позабытой в тягостях и заботах экспедиционных будней тайне царя-адмирала и двух геодезистов. Время, насланная в памяти одно событие за другим, погребло под спудом иных впечатлений думы о секретном вояже Лужина и Евреинова. Визит старого варнака воскрешал былое. Оно, завладев мыслями

¹ Ровдуга — оленья шкура, выделанная в замшу.

капитана, воссоздало перед ним картину шторма в Ламском море за двенадцать лет до этой ночи на рейде Охотского порта... Четрадь в голубом сафьяновом переплете мелькнула на гребне волны и скрылась меж седыми валами... Сквозь колеблемое дыханием пламя свечи отчетливо проступили строки унесенного морем недочитанного дневника Федора Лужина:

«... При Соимонове говорите, яко наедине со мною... Тут мы диву дались, завидев в углу горницы собеседника государева... Кому дано свой талан знать?.. А ныне ж господин Соимонов обласкал милостями... в чинах высоких...».

Растопленный воск, струясь по шандалу, застывал на медных инкрустациях. Свеча быстро догорала.

Переменив ее, Чириков придвинул к себе письмо и взялся за перо.

«Кто знает, любезный друг, — приписал он, — что плоды тщаний нашей экспедиции не уподобятся на долгия годы участи сих известий об отыскании Анианскаго пролива. Не тягостей неведомага проводыватель страшиться должен, но равнодушия и забвения человеческого к плодам трудов своих, об чем из прошлых вояжей многия примеры приводил ночной гость мой Федор Иванович Соимонов, прежний государев советник, генерал-кригс-комиссар и кавалер, нынеж варнак при Охотском солеваренном промысле. Участь просвещеннаго мореплавателя сожаления достойна и ради его прошлых заслуг пред флотом тщился я ублажить¹ здешних правителей, дабы не зверствовали над ним. Ибо из больших начальников в небылицу и наоборот превращенным быть всякий может². Не смыкая глаз, скоротали мы

¹ Старался уговорить.

² Сосланный по распоряжению Бирона Соимонов был возвращен из ссылки после дворцового переворота, совершенного в декабре 1741 г. в пользу дочери Петра I Елизаветы, и назначен сибирским генерал-губернатором.

с Федором Ивановичем сию ночь прощальную пред отплытием к берегам Камчатским и далее. Он и поведал секрет истории Лужина и Евреинова, об чем отписываю, дабы знал ты вещь слова отца отчества и зачинателя флота нашего.

Прискакав в Казань, геодезисты явились в покои кремлевские, где государь был наедине с господином Соимоновым и, подав ландкарту островов Курильских, донесли о виденном. Государь слушал с вниманием неусыпным, выпрашивая про достоинства земель Курильских и Камчатских, про обычаи тамошних жителей, и сколь способны места виденныя быть пристанищем флоту.

— В едином не преуспели, — репортовал Иван Евреинов, кладя на стол минерал-камень. — Мохнатые иноземцы инаго не добывают, кроме сей минерал-руды железной. Более на шестом острову ничего нет. Омылка,¹ господин адмирал.

Тож и Федор Лужин репортовал.

Тогда государь убрал камень с глаз долой, прегорько вздохнул и молвил:

— Правду баял сват Федор Матвеевич: сочинили мореходы побасенку ради пущей славы своей. То запомните впредь, господа навигаторы, и ты знай, Соимонов. Наука, глаголемая Космография, сиречь описание не токмо истин, но и вымысла досужего. Будучи на Ост-Индском дворе в Амстердаме, слышал я, будто есть на Восточном океане земля, полная злата и серебра. Ходил искать ту землю голландский корабль «Кастрикум» корабельщика да Вриза и приставал к берегу, нареченному Компанейскою землею господ Генеральных Штатов.² Будто возле той земли есть иная, виденная гишпанским корабельщиком Жуаном да Гамою. Будто

¹ Ошибка.

² Верховный орган Голландии XVII—XVIII веков.

земля Гамова из серебра сотворена и распускается в воде наподобие сахару. В том усомнился я, ибо умеют балясы точить мореходы, чужестранные хвастуны. А приплыв домой, разыскал донесение воеводы якутского и отписку вора Ваньки Козыревского, что сыскал он, вор-Ванька, новые заморские земли на полдень от Камчатки. Отписали вор с воеводою о минерал-руде на тех землях, что курятся. Порадовался их отпискам, да зря. Иную минерал-руду, чаял, найдете. Омылка...

Помолчав, государь утешил геодезистов:

— Добро, что без шуму слетали, птенцы мои. Срам не велик, и тот в дому останется, об чем памятуйте. А вояж ваш не посчитайте напрасным. Оный на пользу знанию истинному о земноводном нашем шаре: узнанное вами про земли восточныя славу отечеству преумножит в свое время. Придет черед, когда станет наша держава у Восточнаго океана також твердо, яко ныне у Балтикума...

То свершится, предвиденное Петром Великим: став твердо на охотских и камчатских берегах, обращаем мы взоры к землям, где не бывали до нас европейцы, хотя и немалыя вижу впереди муки. Ежели где зазимую в отдаленности, не ведаем, чем и питаться будем. Провианту вовсе нет, кроме привезеннаго из Иркутской провинции, и тот состоит из попортившихся солонины и масла.

Впрочем, поутру пойдем в путь свой, пребывая в здравии; чего и тебе желая, любезной друг, остаюсь

Алексей Чириков

Сентября в 8 день 1740 года
Пакет Вот им. Св. ап. Павла»

Чириков запечатал письмо и убористым почерком вывел адрес на конверте:

«Его высокоблагородному господину
Флота капитану Нагаеву¹
В Кроншлот на корабль «Полтава»...

Он погасил свечу.

Сумерки дождливого утра сочились в каюту сквозь квадратное оконце.

С палубы глухо прозвучал сигнал побудки. Тотчас, повторяя его, над рейдом разнеслась прерывистая дробь барабанного боя.

На экспедиционных кораблях начинался долгождан-
ный день отплытия из Охотска.

¹ Впоследствии адмирал. Один из образованнейших русских моряков XVII столетия. Известен своими работами по гидрографии Каспийского и Балтийского морей. Товарищ Чирикова по Морской Академии и друг в течение всей жизни.

ГЛАВА V

КОНЗИЛИЯ МОРЕХОДОВ

...Морской народ спешит, возносит
весел глас:
Что долго ждали толь, уже проходит
час.
Каморы полны все, палубы пушки
кроют,
Готовы в путь совсем, вот в море
вдруг пороят...
Вели твой флаг поднять и вымпел
в ветр пустить...

Ломоносов

Спустя восемь месяцев, штилевым майским полднем 1741 года на шканцы пакетбота «Святой апостол Петр» вышел пожилой, грузный человек — командующий Большой Северной экспедицией капитан-командор Витус Беринг. На кораблях его запросто величали Иваном Ивановичем. Разглядев среди матросов, занятых конопаткой палубы, дюжего рябого боцманмата, он кивнул ему.

Перепачканный смолой моряк вытянулся перед командующим.

— Взяв лангбот, — сказал Беринг, — поезжай к Алексею Ильичу и с должным почтением проси господина капитана с обер-офицерами пожаловать к нам для конзилии.

— Слетаю птицею, Иван Иванович!..

Боцманмат громовым голосом кликнул гребцов и полез за борт. Следом спрыгнули вахтенные матросы.

Защищаясь ладонью от солнца и опираясь на медную толстую трость — предмет бесконечного восхищения моряков, ибо она была и подзорной трубой, — капитан-командор наблюдал за шлюпкой. Взгляд его скользил вместе с ней по голубому раздолью бухты мимо прибрежных холмов к узкой отлогой косе, где виднелись возведенные зимой дощатые срубы провиантского магазина, казарм и невзрачной часовенки.

Это было все, что составляло камчатское жилое место на берегу Авачинского залива, названное Берингом в честь экспедиционных пакетботов гаванью Петра и Павла. Пустынные от сотворения мира сопки обступили залив, и, отражая в бирюзовых водах цепь волнистых вершин, расположились у окутанного облаками подножья обледенелой кручи. Над ними, блистая девственной белизной и неприступностью, вознесся к солнцу снежный конус Вилучинского вулкана.

Подождав, пока шлюпка с боцманматом пристанет к двухмачтовому бригу «Святой апостол Павел», стоящему близ косы, капитан-командор неторопливо побрел прочь со шканцев.

Едва стихло шарканье стоптанных ботфорт и постукивание трости, матросы, прекратив конопатку палубных пазов, собрались покурить у мачты. Лица их были худы и бледны от перенесенных лишений в камчадальских острогах, куда командующий разослал людей на зимовку ради экономии в провпанте.

Долгие месяцы они пробыли в первобытной дикости вырытых в земле жилищ камчадалов, обовшивели, покрылись коростой грязи, ели коренья, сладкую белую глину. Некоторые умерли от непривычной пищи, часть разбежалась по дальним камчатским поселениям, а те, кто весной вернулся на корабли, со слезами радости целовали залитую смолой палубу.

Юркий, с пегой редкой бороденкой, Никита Шумагин, неутомимый рассказчик замысловатых снов, набив трубочку сушеной травой, затаился, покашлял от едкого

дыма и, подмигивая на трап, по которому только что спустился Беринг, с таинственным видом оповестил:

— В море пойдем, братцы, чрез седмицу, край света искать, яко в инструкции велено.

— Неушто? Не врешь, сновидец? — матросы теснее придвинулись к нему.

— Сам слышал, ей-ей! Иван Иванович обер-офицеров на конзилию затребовал.

— Не конзилию чинить, а призваны господа офицеры, как и в прошлыя те дни, забавляться в еропки,¹ — насмешливо сказал русоголовый великан Михайла Неводчиков. — Сколь пригожих дней упустили, сыскать могли б те берега.

Служители, покуривая, сопели в трубочки и держали языки за зубами: семихвостые плети, положенные по Морскому Уставу за ослушное слово, были пострашнее моря-океана за Камчаткой.

— Быть, Михайла, тебе под батогамы за непотребный лай, — посулил Шумагин.

Неводчиков презрительно огрызнулся:

— Порадей, сновидец, о спине своей, а моя привычна. Семь шкур с нее снято, притерпелась...

— Эй, на «Петре»! — донеслось из-за борта зычное рокотанье боцманмата. Опять под мачтой балясничаете! Ишь, накадили бесовым зельем!

Матросы ринулись по местам.

Шлюпка подгрела к борту, и на палубу флагманского корабля взобрались три человека: совсем юный штурман Елагин, лейтенант Чихачев и командир «Святого апостола Павла» капитан Чириков. Он немного сутулился и все же на голову был выше спутников. Время неузнаваемо исказило его черты. Румянец недуга лихорадочно пылал на впалых щеках. Только глаза попрежнему отливали синевой. Баловень фортуны и любимец Адмиралтейств-Коллегии, он задолго до

¹ Карточная игра.

срока, определенного положением о чинах, «по уму и достоинству, а не по старшинству», получил звание капитана и право общего совета с командующим экспедицией.

Сопровождаемый офицерами, Чириков направился в каюту Беринга.

Оттуда раздавались шумные возгласы:

— Фальшива талия!

— Хлап ваш убит!¹

Капитан, распахнув дверь, шагнул внутрь крошечного помещения.

Оно напоминало монастырскую келью. На стене, напротив двери, висели над полкой с книгами и парой скрепленных пистолетов картины на библейские сюжеты. В углу, кроваво отсвечивая на золоченых ликах икон, теплилась цветная лампада.

За столом играли в карты шесть человек. По одну сторону разместились: астрономии профессор Людовик Делиль де ла Кроер; возле него — уроженец Франконии, загнанный на Камчатку страстью к приключениям, адъютант Академии наук Георг Стеллер и лейтенант Свен Ваксель, правая рука Беринга на флагманском пакет-боте; по другую — экспедиционный иерей Стефан, завзятый картежник и пьяница, нашедший верного дружка в парижанине Делиле; по соседству с ним жизнерадостный старик Эзельберг, давнишний приятель капитан-командора, по его просьбе приглашенный Адмиралтейств-Коллегией в экспедицию из Ост-Индской компании, на чьих кораблях около полувека скитался под всеми широтами. Еще дальше, у раскрытого настежь квадратного оконца, откуда веяло свежестью морского воздуха, сидел, прижав к груди карты, Витус Беринг.

— Господин капитан-командор и вас, господа, с добрым благополучием, — приветствовал Чириков.

— Милости прошу, Алексей Ильич!

¹ Карточные термины.

Беринг, смешав карты, обратился к партнерам и вошедшим офицерам:

— Учиним без промедления консилию с господином профессором. Протчих, кто к навигацкому искусству не причастен, не хочу неволить скучными рассуждениями.

Иерей, не тая разочарования, покинул каюту, но Стеллер заупряился.

— Господин экспедициею командующий, — акцентируя, высокомерно запротестовал он. — Изумлению подвержен я немалому, что во всем принят не так, яко по моему достоинству надлежит, а равно простому матрозу и солдату.

Моряки насупились. Всесторонне образованный ученый Стеллер обладал несносным характером и за короткое время пребывания в экспедиции воздвиг между собой и другими участниками ее гору мелочных распрей. Офицеры едва терпели его.

— Сие не рассуждение будет о гадах и травах, а консилия мореходов, — с ядовитой любезностью разъяснил ему Ваксель.

Лицо адъюнкта покрылось пятнами.

— Господин лейтенант! Почитаю за бесчестье ваши слова! Об чем донесу в Академию и в Сенат! Яко, неведомо чего дожидаячись, поклоны кладете пред иконами, погоду отменную упуская, да стоянием при Камчатке казну разоряете!

Он, бранясь, выскочил за дверь.

Наступило неловкое молчание. Угроза адъюнкта ошеломила моряков: причины задержки отплытия не зависели от них. Нехватало провианта. Посланный заранее на Камчатку заклятым врагом экспедиции начальником Охотского порта Писаревым,¹ боярский сын

¹ Тем самым Скорняковым-Писаревым который был некогда начальником Морской Академии. Двуличный по натуре он был уличен в заговоре против своего покровителя Меншикова, бит кнутом и сослан на Камчатку. Назначенный по ходатайству Беринга на должность начальника Охотского порта с тем, чтобы помогать

Колесов не заготовил ни фунта рыбы, хотя ею кипели здешние реки. Не надеясь на доставку продовольствия из Охотска, Беринг отсрочил вояж и занялся рыбной ловлей. Весна была на исходе, а корабли, теряя драгоценные дни, отстаивались на рейде Авачинского залива.

— Нет, какова каналья! — пустил вслед Стеллеру Ваксель. — Что вы с ним много фигур строите, Иван Иванович? По мне, так выбить в шею господина франконца за подлые речи.

Беринг растерянно развел руками. В этом жесте сказалось все, присущее капитан-командору: нерешительность и мягкосердечие, нежелание затевать тяжбу и наживать лишнего врага, коих он имел предостаточно на огромном пространстве от Санкт-Петербурга до расположенной на краю света гавани Петра и Павла.

Чириков, заняв место адьюнта, с сострадательной усмешкой следил за Берингом. Было жаль расстроенного капитан-командора и досадно: его христианская смиренность разлагающе действовала на участников грандиозного предприятия, равного которому не ведали современники. От Архангельска до Тихого океана, вдоль ледовых границ Арктики, сквозь пургу и стужу, двигались отряды Большой Северной экспедиции, ведомые «птенцами гнезда петрова» — Алексеем Чириковым, Степаном Малыгиным, Семеном Челюскиным, Дмитрием и Харитоном Лаптевыми. Ими был призван командовать человек, не умеющий даже оградить себя от оскорблений. Навряд узнали бы его члены Адмирал-

экспедиции, он отплатил капитан-командору черной неблагодарностью. Долгая задержка экспедиции в Охотске была в немалой степени вызвана бесчисленными клязузами Писарева Сенату, беспричинным злобным противодействием вояжу к Америке, нежеланием содействовать снабжению и постройке пакетботов. За месяц до отплытия кораблей из Охотска Писарев, наконец, был отстранен от должности; однако, вред причиненный им, давал знать себя: моряки ушли в плаванье с негодным провизантом, питались попорченной солониной, прогорклым маслом, подгорелыми су-харями.

тенств-Коллегии, восемь лет тому назад поручившей Берингу и Чирикову проведать путь к северо-западной Америке «для учреждения с оной прибыльной торговли». Восемь лет, пока длилось строительство кораблей, канули в небытие, растраченные на сутяжничества с якутскими и охотскими властями за каждый аршин холста для экспедиции, за каждый кусок хлеба, на оправдательные рапорты в Адмиралтейств-Коллегию, которая в ответ на ябеды слала капитан-командору выговор за выговором, стыдила за медлительность, грозила понизить в чине, лишила прибавочного жалованья...

Удрученный обльжиными словами адъюнкта, Беринг понуро глядел перед собой, в несчетный раз проклиная миг, когда согласился возглавить вторую экспедицию на восток. Он считал ее виновницей всех бед, обрушенных судьбой на его плечи, и, сетуя на изменчивую фортуна, ослепленный невзгодами, не видел того, что порождало их.

Фортуна изменила Берингу значительно раньше, чем у него возникла мысль о Большой Северной экспедиции: за тринадцать лет до нее, близ Чукотского носа, когда он отверг благоразумный совет Чирикова — следовать вперед, как было записано в предсмертном указе Петра, пока воочию не убедится в том, что азиатский берег уклоняется к западу и, значит, материки разделены проливом. Краткую, без достоверных доказательств раздельности Азии и Америки, реляцию о плавании приняли в Адмиралтейств-Коллегии скептически: мол, незачем было ездить на край света и узнать меньше, чем безграмотный казачий голова Афанасий Шестаков. К изумлению Беринга, на карте, представленной Шестаковым Сенату в бытность первой экспедиции на востоке, лежала напротив Чукотки «Большая Земля». Ни подтвердить, ни отрицать ее существование моряки не решились, ибо не отыскивали американского берега пролива. Неуверенность дала повод к насмешкам.

Предложение Беринга о вторичной поездке адмиралы сочли неприемлемым. Никто не пожелал ознакомиться с проектом нового вояжа, задуманного капитан-командором: одному отряду кораблей плыть от Камчатки в двух направлениях — на восток, где по рассказам камчадалов находилась Америка, и на юг, вдоль Курильской гряды, на поиски северного пути в Японию; второму отряду выйти из Архангельска, Тобольска и Якутска, спуститься к устьям Оби, Енисея, Лены и, производя опись берегов Сибири для точного обозначения северных границ Российской державы, проведывать путь в Тихий океан через Ледовитое Нордное море.

Грандиозный замысел капитан-командора делал честь любому исследователю, ибо не ограничивал экспедицию рамками морского вояжа. Беринг рассуждал, как патриот страны, под чьим флагом плавал, сражался и жил тридцать семь лет: две трети своего существования, всю свою сознательную жизнь человека, проведывателя, воина. Он мыслил масштабами Петра первого и мог с неотъемлемым правом назвать себя достойным учеником преобразователя, которому соотечественники заслуженно присвоили титул Великого. Проект Беринга был планом-комплексом мероприятий, направленных к освоению богатств тихоокеанских окраин Азиатского материка, созданию там гаваней и флота, воспитанию плеяды моряков под знаменем петровских традиций с начертанными на нем словами царя-адмирала: «Оградя отечество безопасностью от неприятеля, надлежит находить славу государству чрез искусства и науки...»

Однако времена изменились. Страной управляли люди иного склада мыслей. Долго и тщетно обивая пороги присутственных мест, Беринг ни в ком не встречал поддержки. Ревнитель петровских традиций Федор Матвеевич Апраксин умер, прочие соратники Петра обретались в немилости.

Два с половиной года капитан-командор томился в забвении и нужде, пока проект экспедиции не попал

к патриоту и любителю географии, автору первого атласа нашей страны, обер-секретарю Сената Кириллову. Тот, восхищаясь смелостью замысла, уговорил президента Адмиралтейств-Коллегии графа Головина¹ принять отвергнутое предложение и заручился согласием Академии Наук участвовать в экспедиционных плаваниях.

Повеяло попутным фортунам ветром. Сенат разрешил экспедицию на срок до шести лет и, назначив Беринга командующим, поручил Адмиралтейств-Коллегии «определить в товарищи ему добраго моряка из русских». Адмиралы, не колеблясь, избрали капитана Чирикова.

Так вновь начался путь на восток, вымощенный страданиями и ошибками капитан-командора. Разбросанная на пространстве в двенадцать тысяч верст экспедиция оказалась ему не под силу. Да и как мог практически руководить ею даже самый искусный организатор той эпохи, пусть с непреклонной волей и железными нервами, но сидя в Охотске, откуда в Адмиралтейств-Коллегию путешествовали свыше года... В пору было сладить с непосредственно подчиненными капитан-командору, сосредоточенными в устье Охоты отрядами Чирикова и Шпаиберга. На плечи моряков легло все, что называлось подготовкой к вояжу: мучительные переходы по якутской тайге с провиантом и материалами, отковка корабельных частей, выварка смолы и соли, слав бревен для постройки барачков и пакетботов. Люди озверели от лишений и сообща винили командующего. Много врагов нажил Беринг в Охотске, но злейшими из них были его доброта и доверчивость. Там, где надлежало сказать нерушимое слово начальника, он занимался отеческими увещеваниями.

Внешность капитан-командора соответствовала перенесенным испытаниям.

¹ Сын первого президента Адмиралтейств-Коллегии.

Обок с Чириковым сидел, подперев ладонями седую голову, глубокий старик, согбенный жестокими ударами судьбы, полный усталой покорности. Беринг выглядел старше семидесятилетнего Эзельберга.

— Иван Иванович... — Астрономии профессор покровительственно притронулся к плечу капитан-командора. — Облыжность господина адъютанта доведу до Академии членов с первой оказией.

Беринг равнодушно поблагодарил.

— Надлежит исполнить долг наш, — вяло сказал он и, достав инструкцию Адмиралтейств-Коллегии, зачитал ее вслух.

— ... Итти для обыскания американских берегов, дабы они всеконечно известны были... На оных побывать и разведать подлинно, какие на них народы и как то место называют, и подлинно ль те берега американския... Следовать подле них, сколько время и возможность допустит, по своему рассмотрению, дабы к камчатским берегам могли по тамошнему климату возвратиться...

Моряки напряженно слушали.

— Куда направить предстоящее плавание для открытия предполагаемых за Камчаткою земель? — вопрошал Беринг. — Каков курс избрать, господин капитан, господин профессор, господа офицеры и штурманы? Не на восток ли, где в прошлую экспедицию искали загадочный материк? И ежели на восток, то каким румбом?

— Резон основательный, — тотчас заговорил Чириков. Мехиканская провинция проведена гишпанцами и далее пятидесятаго градуса к югу спускаться ради одного уведомления об Америке не к чему. Також дальше шестьдесят пятаго градуса подниматься к северу. Тамо обследует лейтенант Дмитрий Лалтев, коему назначено обогнуть Чукотский нос из устья Лены. Посему резонно полагаю плыть на восток в пределах сих пятнадцати градусов.

Чихачев присоединился к нему.

— Утверждаясь на признаках, примеченных вами, господин командующий, в первой экспедиции, именно: что сосновые и другия деревья, которые на Камчатке не растут, восточным ветром к берегам камчатским приносят; что некоторые птицы ежегодно в свое время с восточной стороны прилетают и, пробывши несколько месяцев на камчатских берегах, в свое время назад улетают, должно проложить курс на восток.

— Андреян Петрович! — Капитан-командор предоставил слово Эзельбергу. — Как полагать изволишь?

Старый штурман, собираясь с мыслями, похмыкал, покрякал, но высказаться не успел.

Вскочил, потрясая свернутой в трубку картой, астрономии профессор:

— Господа мореплаватели! На копии сей, снятой братом моим Жозефом Делилем, Санкт-Петербуржской академии членом и географом, с подлинной карты брата моего Гильома Делиля, первого географа короля французов, — он развернул ее, — в недалеком расстоянии от берегов камчатских на полдень нанесена земля, виденная дон Жуаном де Гамою на востоке от земли Компании, голландским кораблем «Кастрикумом» найденной, об чем доподлинно ведомо господину командующему.

Офицеры навострили уши. Парижанин намекал на интригующую моряков тайну. Однажды, беседуя с земляком Шпанбергом, капитан-командор обмолвился, что держал в своих руках корабельный журнал голландского брнга «Кастрикум» с подробным описанием земель Штатов, Компании и Жуана де Гамы, о чьих несметных богатствах распространялись самые фантастические версии. Шпанберг истолковал его слова, как признание; среди моряков разнесся слух, что у капитан-командора хранится купленный за большие деньги журнал «Кастрикума» с указанием пути к таинственным тихоокеанским островам.

Беринг не пошевелился, и Делиль продолжал:

— Сожаления достойно, что не можно мне было

СЫскать о сей земле иных известий, кроме что на ландкарте показано. Того ради я потому, яко положил, тако и расстояние обретенной де Гамою земли, применяясь к Камчатке, подлинно определить мог. Лежит она в параллели промеж сорок пятым и сорок седьмым градусами, куда прежде прочих курсов итти соблаговолите, уповаю.¹

Чириков не согласился.

— Мартын Петрович Шпанберг, возвратясь из вояжа к берегам японским, доносил Ивану Ивановичу не в пользу сей ландкарты.

Моряки поддакнули. Рассказы участников плавания экспедиционного отряда, отправленного двумя годами ранее под командованием Шпанберга на поиски Японии, опровергали существование земель Компании, Штатов и Гамы. Шпанберг, по распоряжению Беринга, спустился на юг не вдоль Курильской гряды, а по меридиану Камчатки до сорок второй параллели, где предполагались острова сокровищ. Там, к общему разочарованию, простирался пустынный океан.

Делиль, предчувствуя спор, неприязненно оглядел капитана.

— Корабельные выписки Шпанберга рассмотрены мною, також господином командующим, и не почтены за правильные. Счисление широт и долгот, в конх лежат на карте брата моего Курильския земли, разнится чрезмерно с оными выписками.

— А ежели и мы не сыщем тех показанных на карте земель? — в упор спросил Чириков. — Господин Делиль изволит признать за неверное наше счисление, яко Шпанбергово?

Делиль, видя иронические улыбки офицеров, прибегнул к последнему аргументу.

— Полагаясь на немалое искусство ваше, — польстил он, — мыслю, что землю Гамову легко взять под владе-

¹ Надеюсь.

ние Российской державы, памятуя указ об экспедиции нашей, что действительно к славе Российской отправлена быть может.

— На земле Гамовой, — поддержал профессора Беринг, и впервые за время конзилии загорелся его взор, — сколь знаю, не можно еще никакой державе иметь владения.

Делиль, расстелив карту на столе, ткнул в нее пальцем.

— Сюда, к славе и чести, избрать курс!

Головы офицеров склонились над картой. Братя-географы перенесли на нее легенды корабельщиков прошлых веков и мифы космографии о северной части Восточного океана. Берега Америки имели самые неправдоподобные очертания. В центре материка раскинулось море. К востоку от Камчатки, по размерам вдвое превосходя ее, расположился на месте Алеутского архипелага огромный остров. Курильская гряда упиралась в земли Компании и Штатов. Между ними и мысом Мендосино у Калифорнии был изображен пресловутый «земной рай», отысканный никому неизвестным Жуалом де Гамой. Ни Сахалина, ни Японских островов, кроме неверно очерченного Иезо, ни пролива, разделяющего мыс Дежнева и Аляску, на карте не значилось. На севере, острым клином вдаваясь в океан, примыкал к Америке безымянный арктический материк, якобы найденный испанским адмиралом де Фонте, чьи фантастические открытия в Новом Свете сбили с толку немало доверчивых людей и послужили основанием для карты братьев Делиль.

Офицеры рассматривали ее, обуреваемые противоречивыми желаниями. Далеко на востоке простиралась Америка. Что ожидало их в ней? Суровая неизвестность, новые лишения? . . . А на юге, в теплых широтах, такая близкая, солнечная, по слухам полная несметных сокровищ, манила к себе земля Гамы. Почему Шпанберг не мог допустить ошибку в обсервации и пересечь совсем иное место, вблизи которого, чуть за горизонтом,

вздымались серебряные берега острова Фортуны? Ученый человек, астрономии профессор, знал, должно быть, поболее, чем несимпатичный всем участникам экспедиции Мартын Шпанберг, прозванный за непомерную даже в то жестокое время грубость и крутой нрав «каторжным генералом». Да и капитан-командор, обладающий, в чем моряки не сомневались, тайнами брига «Кастрикум», не стал бы радеть о пустом деле после грозных предупреждений Адмиралтейств-Коллегии.

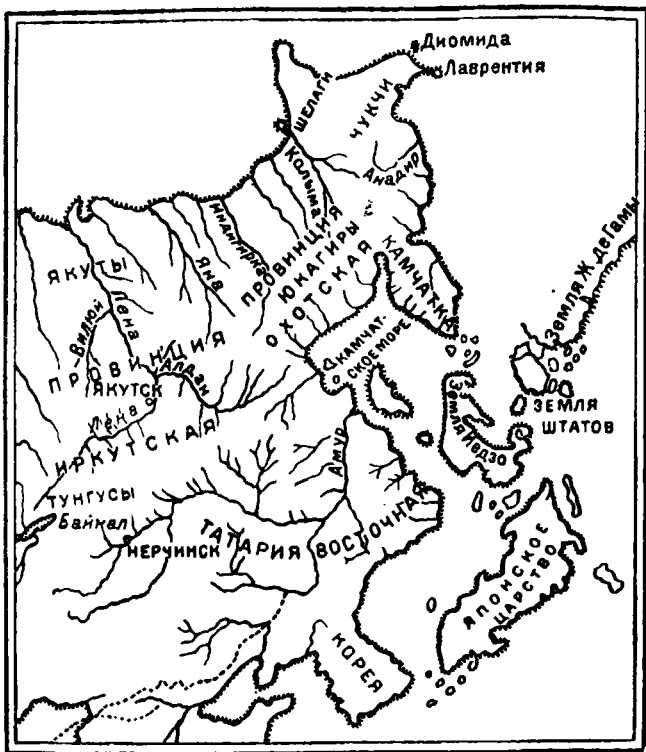
— Инструкция велит нам проведать американские берега, а не землю Гамову, — упорствовал Чириков. — Курс должно избрать, яко сии вековечные странники ныне. — Он показал на облачные армады, влекомые ленивым ветерком на восток. — Время коротко, и все назначенное для исследования пространство не будет никакой возможности обойти в одно лето. Когда ж исполним долг свой, то плыть согласен я к оной земле не без пользы для счислений господина профессора и противных ему шпанберговых записей. Голоса разделились. Чихачев и Елагин повторили мнение командира «Святого апостола Павла»: не отвлекаясь, проложить курс на восток. Ваксель и Эзельберг, воспитанные на традициях космографии, приняли сторону Делиля.

Последнее слово принадлежало Берингу.

Капитан-командор раздумывал. Смущала рассудительность помощника: не зря Адмиралтейств-Коллегия «утверждалась на Чирикове по искусству его и не без надежды доброго плода в экспедиции». О том гласила инструкция, лежащая на столе перед командующим. Чувство долга ратовало за поход к Америке, а затаенные мысли тянули к земле Гамы: обретя ее, Беринг наверняка сумел бы восстановить свой авторитет. В инструкции не упоминалось о ней, но Адмиралтейств-Коллегия предписывала «действовать по мнению и предложению профессора».

— Приговорим без ущерба для долга нашего, — сказал старик. — Итти к юго-востоку по румбу зюйд-ост-

тен-ост до сорок шестаго градуса; Достигнув, повернуть к востоку по румбу ост-тен-норд и проведывать Аме-

Карта северо-восточной части Азии с пресловутой „Землей Жуана де Гамы“, якобы расположенной на юго-востоке от Камчатки. Этой картой руководствовались мореплаватели первой половины XVIII века.

рику до успения богородицы,¹ дабы возвратиться к здешней гавани прежде заморозков.

¹ 15 августа (по ст. стилю).

— Время дорого, Иван Иванович, — предупреждал помощник. — Не было б печали о днях загубленных сверх прежних. Зело удивительно, почему чужестранные мореплаватели не пекутся взять во владение землю Гамову. Срок немалой для исканий: почитай, сто лет минуло.

Капитан-командор поспешил закончить консилию.

— Прошу, собрав людей, — наказал он, точно не слыша Чирикова, — разъяснить инструкцию: экспедиция секретна и при случае, ежели встретим какия корабли чужия, говорить, что посланы исполнить волю блаженнодостойныя памяти императора Петра Великаго для узнания, сходится где Азия с Америкою или они разделены проливом.

Он отпустил моряков и наедине ответил Чирикову:

— Батюшка, Алексей Ильич. Великую веру имею я в нахождение земли дон Жуана де Гамы. Коль скоро сыщем при ней гавань, сподручнее проведать берега американския, до коих, сдается мне, прилепилась она.

Чириков, осененный догадкой, сообразил: рассказ о корабельном журнале «Кастрикума» справедлив; тайны голландского брига хранятся на борту «Святого апостола Петра».

Старик, снисходительно улыбаясь помощнику, проводил его к трапу.

— Желаю благополучия, Алексей Ильич.

Капитан откланялся и слез в шлюпку, где поджидали штурман и лейтенант.

Дюжина весел радужно сверкнула на солнце мокрыми лопастями. Шлюпка, огибая флагманский корабль, проплыла мимо оконца каюты командующего экспедицией, и моряки увидели привычное: став на колени перед киотом, Витус Беринг бил седой головой несчетные поклоны, вымаливая у Николы-угодника попутный ветер вояжу к земле дон Жуана де Гамы.

ГЛАВА VI

ТАЙНА ВИТУСА БЕРИНГА

...К неведомым брегам пловец
спешит ко дальности безмерной.

Ломоносов

Пробираясь сквозь слякотную мглу, «Святой апостол Петр» спускался на юг. Монотонно гудел ветер в невидных парусах, скрипел раскачиваемый океанской зыбью деревянный кузов, лениво и глухо стучали в него поперечные волны, выматывала людей назойливая бортовая качка. От нее некуда было укрыться: всюду кренило под таким углом, что палуба ускользала из-под ног, а солдаты, набранные в экспедицию из Охотского острога, вповалку лежали среди бревен, ящичков и бочек с пресной водой.

Из утреннего сумрака выступали расплывчатые очертания надстроек, рангоут, шканцы и громоздкое штурвальное колесо. Двое рулевых насили ворочали его.

На шканцах, опираясь на трость-трубу, прирос к шаткой палубе капитан-командор. Космы седых волос Беринга спадали из-под размякшей от сырости зеленой треуголки на влажный беличий полущубок. Всю ночь старый моряк провел без сна: то на коленях у киота в каюте, то в одиночестве на своем посту близ шканечного компаса, вдыхая промозглые испарения и сиюсь угадать в мокром мраке очертания земли Гамы.

По его расчетам корабль подплывал к ней, ибо сорок шестая параллель была вторично пересечена вчера в полдень, на шестые сутки после исчезновения «Святого апостола Павла».

Это событие, приведшее в уныние участников экспедиции, произошло по вине самого капитан-командора: он по обыкновению пренебрег дельным советом помощника. Тот не раз предупреждал его о риске потерять друг друга в тумане, если капитан-командор не расстанется с привычкой уводить флагманский корабль в сторону от курса. Так и случилось, когда эскадра, побывав на сорок шестом градусе и не найдя там суши, по настоянию Чирикова повернула на северо-восток. Пал туман, а поутру, едва прояснилось, вахтенные «Святого апостола Петра» увидели вокруг пустынный океан. Пакетбот исчез.

Два дня флагманский корабль отлеживался в дрейфе, и с каждым часом ожидания Беринг испытывал все большее облегчение. Плавание к неведомым берегам Северо-Западной Америки имело для него второстепенное значение; на первом плане, заслоняя все, чудился остров Фортуны. Радуюсь, что на время избавился от докучливого помощника с его непрерывными напоминаниями об адмиралтейской инструкции, Беринг распорядился взять обратный курс на юг, к сорок шестой параллели.

Упорство командующего поражало офицеров. Скептики — их количество увеличивалось пропорционально числу дней — уже предрекали бесплодность вторичного вояжа, когда вахтенный впередсмотрящий матрос прокричал с бушприта:

— Высокоблагородный господин Иван Иванович! Ошую морской дуб видать!

Моряки поспешили к борту. В самом деле, невдалеке от корабля покачивался островок пловучих растений, похожих на дубовые листья. Капитан-командор нередко встречал их, плавая на голландских кораблях в Атлан-

тике, и неизменно морской дуб оказывался недалёким соседом суши.

Старый штурман Андриян Петрович, поколдовав над квадрантом¹, определил широту: пятьдесят восьмая минута сорок пятого градуса.

А на закате, заволакивая горизонт и волны, опять набежал туман.

Капитан-командор предусмотрительно, чтобы не привалиться к скалам земли Гамы, приказал убавить парусов и, всю ночь не смыкая глаз, молил Николу-угодника о благополучии и удаче.

Утро застало Беринга у шканечного компаса.

Флагманский корабль плыл прежним курсом под нижними марселями. Впередсмотрящий матрос часто и нараспев выкрикивал с бушприта:

— По-ло-го! . . .²

Двадцать первый день вояжа начинался, как обычно. На шканцы долетало ворчание хлопотливого боцманмата, болезненные стоны солдат, разговор подвахтенных моряков, греющихся возле плиты на шкафуте, где кухарь уже стряпал обед: офицерам щи из солонины да рыбные пироги, команде заправленную мучицей похлебку из кетовой головизны. Тянуло дымком и приятным запахом варева. Озябшие за ночь матросы судачили о своем.

Беринг, прислушиваясь к разговору, узнал бормотанье сновидца Шумагина. Людская молва, что морская волна: все подбирает с пути и уносит с собой. Кто мог отличить правду от вымысла? Обрывки небылиц меркаторской космографии переплетались в словах матроса с заманчивыми рассказами голландских мореходов.

— . . . А за сим концом Симова жребия, части Азии, за Камчаткою и царствием китайским, между востоком

¹ Секстан, угломерный инструмент.

² Чисто.

и полднем, в здепнем море-окиане, и есть оныя острова, — убежденно разглагольствовал Шумагин. — Сказывали промеж собою офицеры наши, что кронит¹ Иван Иванович, бережет пуще протчего книгу фряжскую,² а в ней все острова окианские означены... Потому и поспешаем мы вдругорядь на полдень... Первый тот остров Макарицкой близ блаженного рая, да не к нему путь держим, а к ипному, землю Гамовую нарицаемому, что стоит посреди моря-окиана, и берега на нем сверкают ослепляючи, из сребра сотворенные. Не приведи бог глянуть на них среди яснаго дня: изойдут очи слезами горькими. Корабельщики многия поворачивали вспять от Гамовых берегов, слепотою удрученныя. А достигь их дозволено токмо праведникам; у кого ж грех на душе, не примет земля Гамова, погубит мзгла кромешная да стража берегов серебряных — человецы песьи главы, странны зраком, смрадны дыханием зловонным. Кто ж одолеет, побьет в пень с головы на голову стражей песьеглавых, пред тем шеломя³ окатистыя⁴ откроются; всех шеломей сорок сороков, путь-дорога чрез них непроторена на три года и тридцать три дни без роздыху. А за шеломями земля потаенная раскинулася; в ней леса дремучия, реки бурливия, теплыя, поляны высокотравныя, жизнь без нужды привольная; райская птица гамаюн залетаает, чудное благоухание заносит, песни распевает сладчайшия. В той земле бесснежной червь рождает песок златой, жемчужины растут полпудовые, на древах каменья драгия сияют... от них ночью свет исходит, яко днем от солнышка красного. Живут средь благолепия люди зверообразныя; питаются зверем и рыбою, едят кровавое и сырое, хлеба и не знают вовсе... Простирается та ж земля широко и долго, неподвластна никакому

¹ Скрывает.

² Иноземную, иностранную.

³ Горы.

⁴ Крутые.

царю-государю, а видал ее корабельщик Иван да Гамов...

Матросы восторженно ахали. Из пчелиного гула голосов выделился насмешливый бас Михайлы Неводчикова:

— Горазд врать ты, сновидец... Близ блаженного рая... И попадем прежде в рай, нежели к оним брегам... Нет, братцы мои, баская,¹ иначе пустая сказка Микишкина. Сколь годов минуло, яко видана земля Гамова, а никому не выпало счаски ступить на нее. Отчего б сие? Неужто праведники перевелись на божьем свете?

На устюжанина зашикали:

— Нишкни, шпынь!²

— Высокоблагородный господин Иван Иванович! — послышалось с бушприта. — Впереди море-окиан чистое!

На шкафуте умолкли.

Туман редел — вначале поддерживаемый резной фигурой хвостатого чудовища, над волнами высунулся вздернутый бушприт; за ним, разрывая серую завесу и качаясь, как маятники, возникли пики мачт. Выгнутые ветром паруса были похожи на увязшие в сплетениях тросов и рей клочья тумана. Грузно переваливаясь с борта на борт, «Святой апостол Петр» выбрался на солнечный простор океана.

И сразу все ожило. Из всех щелей выползли измученные солдаты, подставляя солнцу обескровленные лица. Весело закурился дымок над плитой. Придерживаясь за выступ фальшборта, неверной походкой проковылял на шканцы и чопорно раскланялся с Берингом бледный от морской болезни адъютант Стеллер. Следом высыпали из каюты небритые офицеры. Лейтенант Ваксель вел за руку белобрысого сына-подростка. Шумно благословляя день, появился иерей Стефан.

¹ Хорошая.

² Шут, насмешник.

Его покачивало не в такт крену: отец благочинный успел чуть свет причаститься крепчайшего вина из камчатских трав.

Взгляды семидесяти семи человек обратились к горизонту. Матросы, чтобы лучше видеть, взобрались на ванты и рей.

Беринг поднес к глазу подзорную трубу, пошарил ею окрест и внезапно ощутил холодную сырость исгекшей почвы. Озноб, щекоча кожу, пробежал по спине. Труба запрыгала в дрожащих пальцах.

Необозримый, без конца-краю, океан катил позолоченные солнцем валы.

Земли не было.

Моряки молчали. Все было ясно без слов. Молитвы не помогли старику. Фортуна, как и прежде, насмеялась над его чаяниями.

— Господин лейтенант! — взволнованно позвал он Вакселя и вытянул руку в том направлении, где над волнистой линией горизонта синело далекое пятнышко.

Ваксель несколько мгновений рассматривал даль на юго-западе.

— Сие не суша, Иван Иванович... Похоже на тучу с дождем. Дай бог, напоила б. Менее чем на месяц имеем водяного запаса.

Беринг прошептал:

— Сие не суша...

Жадно глядя в трубу, он долго не отрывался от синего пятнышка на горизонте.

— Иван Иванович, — настойчиво повторил лейтенант. — Вода пресная наполовину выпита. Пятьдесят бочек сухи, яко не наливались. Далее следовать оным курсом, испытаем муку и жажду. Что предпринять велите?

Капитан-командор устало опустил трубу.

— Ныне ж уменьшить рацион водяной. Вареву стряпать команде чрез день, офицерам однажды в сутки.

Лейтенант поклонился.

— Каков курс положить велите? — не отставал он.

Из группы офицеров выступил седоусый, с непокрытой лысеющей головой, строитель обоих экспедиционных пакетботов, корабельный мастер Софрон Хитров.

— Господин командующий, — с официальной вежливостью произнес мастер, угрюмо глядя на Беринга. — Видев, что нашим отдалением к полдню довольно опорочена неправость карты Делиль де ла Кроера, не пора ль повернуть в путь свой, Адмиралтейц-Коллегиею определенный?

Капитан-командор повернулся к офицерам и прочел в глазах спутников одобрение словам Хитрова. Корабельный мастер высказал то, о чем думали все служители: им надоело терзаться неизвестностью. Уверенность, что Беринг обладает тайнами голландского брига поколебалась давно: когда оба корабля впервые пересекли сорок шестую параллель. Ныне многое предстало бесспорным: правота Чирикова, пагубность избранного Берингом пути, погрешности карты братьев Делиль. Между сорок седьмым и сорок пятым градусами, где, по утверждению французов, находилась земля, не оказалось ничего, кроме неба и волн. Навигационное мастерство и опыт старого штурмана не вызывали сомнений. Осталось одно: предположить, что земля Гамы нанесена на карту неточно и лежит в иных широтах. В каких? На гадания уже не было времени: оно ушло на трехнедельные скитания. Моряки с ужасом и тоской ощущали нависшую над ними угрозу мучений от жажды.

— Андреян Петрович, — сказал Беринг штурману, — соблаговолите приступить к обсервации.

Надежда не покидала его. Корабль мог сбиться с курса в тумане и уклониться в сторону от цели. Мысль о такой вероятности приободряла капитан-командора. От нее зависело все, ради чего он покорно сносил лишения

исследователя, возможность оправдать перед Адмиралтейств-Коллегией предыдущие неудачи.

Эзельберг, достав часы и квадрант, занялся вычислением широты. Моряки тесно обступили его.

— Солнце никогда не обманывало меня, Витус...

Штурман, дружеским прикосновением утешая Беринга, доложил:

— Сорок пятого градуса пятнадцатая минута.

Капитан-командор отвернулся к фальшборту, откуда, саркастически щурясь, наблюдал за моряками адъютант. Цифры, сообщенные штурманом, прозвучали, как приговор. Последняя ставка в азартной игре с неведомым, которую Беринг вел с момента конзилии на Авачинском рейде, была бита. Корабль шел прямо по курсу и почти достиг южных пределов необнаруженной земли.

Офицеры принялись честить Делиля и сообща досадовали на его отсутствие. Астрономии профессор вместе с арсеналом своих приборов, — дюжиной стальных и настольных часов, двадцатью барометрами, тридцатью термометрами, астролябиями, градусниками — плыл неведомо где на борту пакетбота «Святой апостол Павел».

Беринг все ниже клонил седую голову.

Принятый в экспедицию на должность живописца, капрал из музыкантов, сухой и желчный Плениснер, зло заметил:

— Сожаление питаю, что не можно определить астрономии профессору скудный рацион водяной, положенный нам Иваном Ивановичем. Наговорил картошный мудрец семь верст до небес, а мы и уши развесили на то сладкоречие делилево да невозвратно время упустили в местах, до коих инструкцией и плыть не велено.

Офицеры поддакнули.

— Ошибки сродны нам, — успокаивал их Беринг. — Кто знает, может, и Алексей Ильич с профессором вкупе в столь тяжком раздумье на бездорожье муку терпят и фортуна им також закрыта.

Озвучил хлестнул смех. Моряки разом оглянулись. Смеялся адъютант.

— Напрасно печалитесь, господин экспедицией командующий, о фортуна капитана Чирикова. Полагаю иное: времени сей мореплавателю не теряет на долгие консилиумы с подчиненными служителями.

Офицеры неприязненно озирали задирчивого франк-конца. Эзельберг сделал ему предостерегающий жест, но Штеллер не унялся.

— Капитан Чириков, — продолжал адъютант растревывать командующего, — человек есть решительной и в курсах не сомневается, подобно другим, чья слабость деяний притчей во языцех служит.

Уязвленный в самое сердце капитан-командор не вытерпел насмешки. Сколько раз он втайне завидовал твердости и уменью помощника идти прямо к цели! Пути кораблей разошлись неделю назад, и, — кому дано ведать, — куда Чириков увел свой пакетбот, пока «Святой апостол Петр» блуждал в склякотной мгле тумана?

— Господин Штеллер! — с неприсущей ему резкостью вскричал Беринг. — За мои ошибки ответ держу токмо пред Коллегиею и Сенатом, отнюдь не пред ябедниками!

Гневно стуча тростью-трубой, он шагнул к выходу со шканцев.

— Прикажете, господин лейтенант, сделав поворот, держать курс к востоку.

Ваксель обрадованно кликнул боцманов. Те громко повторили его команду. Матросы мигом разбежались по реям.

Капитан-командор бросил взгляд на юго-запад. Земли не было. Пятнышко на горизонте разрасталось в мрачную тучу. Заслоня небо и достигая корабль, она подползала к зениту.

Словно убегая от нее, «Святой апостол Петр» прочертил килем пенистую дугу на темнеющей малахитовой

зыби и, кренясь из стороны в сторону, подгоняемый попутным ветром, поплыл на восток.

Понуря голову, Беринг сошел по ступенькам трапа в каюту. С иллюзиями и мечтаниями было покончено. Предстояла расплата за напрасно потраченные дни, о чем, конечно, не преминет донести в Санкт-Петербург господин адъютант.

Уничтоженный ответом капитан-командора, Стеллер не сразу сообразил, что произошло, и опомнился, когда раздалась понукающая брань боцманов. Кусая губы, он помчался в каюту Беринга.

— Господин командующий! — Адъютант рывком распахнул дверь и ворвался в помещение. — Умоляю о прежнем курсе на зюд-ост! Оттуда несло намедни морской дуб, оттуда летели птицы! Токмо тамо суша!..

Беринг стремительно встал из-за стола, заслонив собой раскрытую книгу. Движение не ускользнуло от Стеллера. Он разглядел пожелтелые от давности листы и тотчас припомнил рассказы спутников капитан-командора о таинственном корабельном журнале. Пылкое воображение адъютанта сразу нарисовало сцену в амстердамской остерии «Летучая рыба»: толпу разноплеменных морских бродяг, пьющую за здравие прежнего экипажмейстера Корнелиуса Крюйса, возвратившегося из Московии в чине вице-адмирала российского флота; на столах горки золотых монет, полученных на пропой души моряками, только что завербованными Крюйсом в службу к русскому царю герру Питеру; возле стойки с боченками эля и пива, рядом с краснорожим мингером, в табачном дыму, головы двух моряков, сидящих за крайним столиком; блеск очей вновь испеченного унтерлейтенанта российского флота юного Витуса Беринга, слушающего красивую сказку о давнишнем вояже брига «Кастрикум»; истрепанный корабельный журнал шкипера де Вриза, переходящий из трясущихся рук пропойцы-штурмана в собственность Беринга за столбик золотых дукатов... Так говорили служигели экспеди-

ции. Столлер скептически относился к их рассказам, но вид книги, с необъяснимой поспешностью заслопленной стариком, наводил на размышления.

Адьюнкт попытался заглянуть через плечо капитан-командора. Тот, поняв уловку, показал на дверь.

— Ступайте прочь, господа Штеллер. Отписывайте в Сенат, что измыслите. А конзильи о курсах корабельных слабый в деяниях Витус Беринг вершит токмо с людьми, сведущими в мореходстве и достойными. Ступайте ж!

Он вытолкнул обескураженного адьюнкта на палубу и захлопнул дверь.

Далекый гром, как многократное эхо, повторил стук двери. В квадратном оконце быстро темнело: близилась непогода. Мерцаая, теплилась лампада в углу перед кнотом, озаряя бесстрастный лик Николь-угодника, покровителя плавающих и путешествующих.

Наверху, над каютой, сновали матросы, заунывно скулил ветер.

Беринг вернулся к столу, долго перелистывал выцветшие страницы, исписанные неразборчивым почерком, и, тяжело вздохнув, изодрал книгу в клочья. Губы его прошептали неслышное никому. Ругательство по адресу адьюнкта? Очередную молитву? Прощальный привет земле дон Жуана де Гамы?..

Молния, мелькнув на фоне оконца, огненной стрелой вонзилась в океан. Покрывая визг ветра и шум волн, раскатисто грянул гром.

Капитан-командор, перекрестясь, приоткрыл иллюминатор и, швырнув бумажные хлопья за борт, грузно побрел на шканцы навстречу мгле и ненастью.

ГЛАВА VII

ПОДЛИННАЯ АМЕРИКА

... Колумб Российский через воды
Спешит в неведомы народы...
Там в пене стонет Новой Свет...

Ломоносов

Ночь была на исходе. Чириков дремал, стоя у компасного нактоуза. Отблеск скупого луча, отбрасываемого шканечным фонарем, дрожал на усталом лице капитана.

Вахтенный лейтенант неуклюжей тенью бродил по шканцам.

Каждые пятнадцать минут, вместе со звоном дюжины стенных и настольных часов, доносящимся из каюты Людовика Делиль де ла Кроера, капитан пробуждался и, щурясь от бьющего в глаза луча, озабоченно спрашивал:

— Что на румбе?

Из мрака выдвигался толстяк Чихачев.

— Чисто море, Алексей Ильич!

— Так держать, — клоня голову на грудь, ронял успокоенный капитан.

— Так держать! — громко выкрикивал лейтенант.

— Так дер-жа-ать!.. — слышал Чириков протяжный ответ рулевых и вновь погружался в дремотное оцепенение, убаюканный тишиной, равномерным покачиванием палубы, соблазнительным храпом служителей.

Всюду, — под шляпками, у пушечных лафетов, среди обломков бочек с пресной водой, разбитых штормовой зыбью, — спали измученные авралом люди. Изодня в день, кляня свою подневольную участь, они откачивали воду из разбухшего корабельного чрева, чинили изодранные паруса, карабкались по скользким вантам на рей и, коченея от ветра и ужаса, ладили запасные стеньги. Смертельная усталость помогала матросам коротать морозные ночи на мокрой от брызг палубе, а всепобеждающее, свойственное русскому человеку терпение не давало угаснуть вожделенным мечтам о Большой Земле за морем-океаном, где, по слухам, водилась драгоценная мягкая рухлядь. Просыпаясь от предрассветного холода, служители отдирали примерзшие за ночь к палубному настилу овчины, с надеждой глядели на восток и видели там, как и прежде, низкое, иссиня-темное небо над холмистой пустыней океана. Тогда они обращали взоры к шканцам, где недвижно, словно прикованный к нактоузу, стоял неутомимый человек в треуголке и наглухо застегнутом бостроге.¹ Что различал он за вечной линией горизонта? Почему не внимал совету господина астрономии профессора? Не упускал ли талант, о чем назойливо твердил по обыкновению пьяный Делиль, уверяя моряков, что капитан-командор, пока они рыщут по океану, высадился на серебряных берегах и пожинает плоды исканий разноплеменных корабельщиков?..

Побеждает непоколебимый. Алексей Ильич Чириков был слеплен из иного теста, чем командующий экспедицией. Ничто не сломило волю этого человека с чахоточным румянцем на впалых щеках: ни штормы, кои, чередуясь с туманами с первого дня плавания от Авачинского залива, без малого полтора месяца донимали моряков; ни жестокие ветры, под чьим напором рухнули за борт стеньги мачт, увлекая за собой

¹ Вушлате.

лохмотья парусов; ни тягостное чувство одиночества, охватившее его, когда сгинул флагманский корабль; ни злобные запугивания брата королевского географа; ни глухой ропот служителей. Так бывало испокон веков: роптали участники любой экспедиции в неведомое. Чириков знал это и, в точности исполняя инструкцию Адмиралтейств-Коллегии, вел пакетбот на восток наперекор всему — стихии, людям, космографическим канонам.

Неведомое нехотя расступалось перед дерзновенной смелостью семидесяти проводывателей, рискнувших искать Америку и пересечь океан на углу суденышке, вдвое меньшем, чем колумбова каравелла «Санта Мария».

На сороковые сутки вояжа, в час очередной обсервации, штурман Елагин и геодезист Красильников растерянно доложили капитану, что корабль достиг суши. Так показывала карта. Однако вокруг пакетбота растлался океан. Моряки обратились за разъяснениями к брату королевского географа. Делиль, не пытаясь опровергнуть вычисления, заперся в каюте и с горя заплл. Офицеры окончательно убедились, что в роли астрономии профессора подвизается невежественный хвостун. Их давно смущали его странные недомогания. Ссылаясь на болезнь, он, едва наступало время астрономических наблюдений, предоставлял подчиненным ему студентам из геодезистов — Красильникову и Попову — возиться с приборами, а сам развлекался излюбленным: опустошал боченки с вином, накуренным из камчатских трав, и, подвыпив, грозил Чирикову немилостью санкт-петербургского начальства за то, что капитан, вопреки его, Делиля, доводам, не ищет серебряных берегов земли Гамы.

Пакетбот продолжал путь на восток сквозь туманы и штормы, рядовые служители заранее отпевали себя и не сразу поверили радостным воплям вахтенного матроса, который разглядел с марсэвой площадки очертания плавника.

Вестник близкой земли — громадный желтоватый ствол невиданного на Камчатке дерева, разметав по сторонам зеленые сучковатые ветви, распростерся на волнах.

Матросы втащили его на палубу и, ликуя от восторга, прозвали душимянкой за приятный ароматный запах. Ветви дерева еще не увяли в соленой воде. Где-то неподалеку была суша.

Люди спокойно уснули, а капитан, не меняя курса, повел корабль, судя по карте, в глубь американского материка. Трезвость мышления не изменила Чирикову. Он предпочел поверить неоднократным вычислениям своих спутников, нежели выдаваемым за непереложную истину ориентирам карты географических авторитетов.

Расклинув паруса-крылья, «Святой апостол Павел» ходко плыл навстречу штилевому дню. Ветер неистовым наскоком разогнал тучи, и, тихо ворча в складках истерзанных парусов, притаился во тьме, будто встревоженный ночными шорохами. готовый сорваться с цепи лютый пес. Обессиленный штормовым разгулом, океан утомился. От всех румбов, неся ощущение необъятных просторов, хлынула звенящая, почти осязаемая тишина. На шканцах, чуть озаренные тусклым светом фонаря, вполголоса, чтобы не потревожить дремлющего командира, препирались закадычные друзья — геодезист Красильников и штурман Елагин.

Ночь на пороге неведомого была для них вечностью. Волнуясь, они стерегли долгожданный берег и, надоедая вахтенному лейтенанту, спорили о своих вычислениях долготы.

— Об чем сорочить итеницы, попусту языки мозолить, — шипящим шопотом урезонил друзей Чихачев. — До зари недолго, она рассудит, чья правда. Токмо чаю: Большая Земля в недалеком расстоянии.

Он отошел в тень паруса.

И, словно подтверждая его слова, с мачтового клота раздалось певучее щебетанье.

Моряки замерли. Послышался легкий шелест. Привлеченная светом, крохотная, диковинной расцветки, крылатая гостья бесстрашно уселась на компасный нактоуз рядом с дремлющим капитаном.

Чириков, вздрогнув, открыл глаза.

Птичка, прощебев, перелетела на перила шканцев.

— Иван Дмитрич! — Радость и тревога одновременно овладели капитаном. — Гляньте: непугана птаха. Означает сие, что не приучена к коварству людскому и на той суше, откуда пожаловала к нам, не ступала нога человечья. Что на румбе?

— Чисто море, Алексей Ильич!

Чихачев сделал шаг к перилам. Птичка вспорхнула на рею.

— Господин геодезист, — подозвал капитан Красильникова. — Захватив трубу, ступайте на астадицуп¹ и, что приметя, рапортуйте без промедлений. Не привалиться б к суше, — пояснил он и обратился к Елагину: — Тако ж и вы, господин штурман, полезайте с трубою на марс.

Елагин, цепляясь за скользкие от росы выбленки² вант, вскарабкался на марсовую площадку и глянул на восток.

Океан еще был под покровом серого мрака, но холодные блики звезд на округло неясных холмах зыби уже потухли. Даль впереди, куда волны лениво подталкивали пакетбот, быстро прояснялась. Радугой из бледно-голубых и розовых лент безостановочно ползла, кружа по линии горизонта, узкая полоска рассвета. За ней всплыла над океаном похожая на цепь вершин снежного хребта гряда облаков. Их нижние слои отражали пламя пожара, бушующего за горизонтом.

Зрелище было столь чудесно, что штурман, обняв

¹ Носовая часть корабля,

² Ступеньки.

мачту и забыв о своих обязанностях, застыл в немом восхищении.

— Господин мечтатель! — прервал его укоряющий голос Чирикова. — Что на румбе?

Юноша спохватился и, наведя подзорную трубу на восток, увидел сквозь двойное стекло, как над облачной грядой величаво поднялось солнце нового дня.

Люди на шканцах неотрывно следили за движениями Елагина. Он протер стекло полой бострога, опять впился взором в горизонт и вслед за тем, потрясая треуголкой и трубой, заорал на весь корабль:

— На румбе суша, господин капитан! Тамо, где светило взшло по-над облаками! То ж не облака, а подлинныя горы снежныя!

Чириков тотчас полез наверх и, переведя дух, приник к трубе.

Штурман протянул руку на восток и с горделивой радостью посмотрел вниз. Все на корабле встрепенулось, разбуженное магическими словами. Матросы, солдаты, офицеры, толпясь на палубе и задрав головы, не спускали глаз с марсовой площадки.

— Подлинная суша!.. — Чириков размахисто перекрестился. Служители на палубе повторили его жест и, обступив мачту, молча ждали, пока штурман и капитан спускались по вантам.

— Курс истинный друзья! — весело известил Чириков. — На востоке горы снежныя высоты отменной. Полагаю, что сне матерой берег американский, отнюдь не край света доступнаго.

— Нам, людишкам подначальным, без роптаний не жить. Отмолим грех рачением, — торжественно заговорил боцман Савельев. — А за попечительство ваше, высокоблагородный батюшко наш, Алексей Ильич, что не дал ты морю-океану утянуть нас в геенну адову, сыскал сушу желанну, земной поклон от служителей всех!

Он грохнулся на колени и, прежде чем Чириков приказал ему встать, трижды стукнулся лбом о палубу.

Матросы и солдаты, скинув шапки, простуженными голосами завопили здравцу капитану.

— Прочь, канальи! — врываясь в хор славословия, хрипло прозвучал за спинами служителей сердитый окрик.

Бесцеремонно расталкивая толпу, к Чирикову направлялся Делиль. Наспех надетый парик сидел на нем задом наперед; на висках торчали рыжие волосы. Он был так комичен, что капитан рассмеялся.

Делиль не понял причины смеха.

— За достойное рачение в трудах ваших благодарствую вам, господин капитан, от Академии наук членов. — Он важно, с ужимками поклонился. — Не премину отписать в Париж брату моему, короля французов первому географу, и брату моему, географу Академии наук Санкт-Петербуржской, что, полагаясь на карту, сочиненную ими при моем участии, пакетбот под моим и вашим, господин капитан, смотрением достиг ныне берегов американских.

Произнеся эту напыщенную тираду, он хотел удалиться.

Моряки опешили; им-то хорошо было известно «смотрение» Делиля: пьяные рассказы о земле Гамы, коими он подбивал служителей возмутиться против капитана. Рядовые участники экспедиции давно дознались, зачем парижанин пожаловал в отдаленные места. Оставленные им на Камчатке ляке¹ иод пьяную руку разболтали матросам, что вершат вскладчину с братом королевского географа немалые прибыльные дела: выменивают на всякую всячину у инородцев сибирских запретную мягкую рухлядь и под видом ученых коллекций поочередно отвозят в Санкт-Петербург, а там сбывают по красной цене, не платя государственной пошлины.

¹ Ляке — слуги.

Радость померкла в глазах Чирикова. Он сухо сказал:

— Господин Делиль, карта братьев ваших негодна мореплавателю. По оной судя, пакетбот наш второй день на матером берегу обретається. Суша сия ж разыскана не возлияниями вашими, Бахусу зело приятными, а служителями флота российского пакетбота «Святый апостол Павел», кои токмо под моим смотрением пребывают и впрядь. О чем извольте, коль станет охоты, отписывать в Париж и Академию братьям вашим.

Он отстранил Делиля с дороги и прошел на шканцы.

Служители, посмеиваясь над парижанином, устремили взоры на восток, где как награда за долготерпение, выростала вместе с солнцем и днем заповедная Большая Земля.

Пакетбот подплывал туда, где вечный прибой провел извилистую грань между водной пустыней и неровной линией побережья. Там, за широкой чертой пены, раскинулась страна девственного покоя. Молочные туманы клубились в ущельях, сползали к подножью хребта, текли через долины и таяли в лучах пламенеющего дня на пустынном берегу.

— Паче прочего дивлюсь безлюдности здешней земли, ибо по мягкости природы годна она существам разумным, — сказал Чириков офицерам и еще раз навел трубу на берег. В ее овале, заслоняя дымчатую даль, выступала зеленая стена кустарника; порхая над ней, мелькали разноцветные птицы.

Из нарастающего рокота прибоа выделялись картavye голоса чаек. Бестолково кружа над отмелью, они, как бы предупреждая о появлении корабля, гомонили на весь окрест.

Ничто не выдавало присутствия человека.

Капитан обернулся к Чихачеву.

— Велите, убавив парусов, глубину смерить.

Лейтенант перегнулся через перила шканцев.

— Убрать бизань, драйвер и мидель-стаксель!

Матросы послушно взобрались на реи и закрепили верхние паруса. Корабль замедлил бег.

— Накинуть глубомер! — распорядился лейтенант.

Боцман, раскрутив веревку, швырнул лот. Коротко булькнув, железный брусок исчез в океане.

— Шестьдесят саженей! — отрапортовал боцман и, словно отброшенный, отпрянул назад.

— Свят, свят, свят! — бледнея, забормотал он.

Повисший на фальшборте любопытный кухарь опустился на палубу и на карачках пополз к мачте.

— Водяная девка! — взвыл он благим матом.

Взбудораженные его истошными причитаниями, слушатели, глянув с мачт вниз, оцепенели.

Возле пакетбота, тяжело хлопая похожими на руки ластами по скользким бокам и выпятив острые, торчком, груди, стояло колыхаясь и фыркая, бурое чудовище. Его уши вздымались над фальшбортом, крохотные свиные глазки, не моргая, уставились на людей¹.

— Сгинь, нечиста сила! — в страхе заклинал боцман. Матросы часто крестились.

Чихачев понесся к борту и разглядел собачью морду чудовища. Печально и громко вздохнув, оно скрылось в пучине.

Пакетбот почти достиг черты прибоя у невысокого мыса. Дальше идти было рискованно. Чириков приказал лечь в дрейф.

Служители дружно взялись за брасы и развернули реи так, что половина парусов двигала корабль в обратную сторону.

— Лангбот на воду! — скомандовал капитан, едва маневр был закончен и «Святой апостол Павел», кляя носом набегающую из океана зыбь, сонно закачался против мыса.

¹ Вымершее еще в конце XVIII в. млекопитающее морское животное, так называемая «морская корова».

— Вам, господа офицеры, с иными всеми служителями неослушно находиться под смотрением лейтенанта Чихачева впредь до возвращения моего. Штурману Елагину, взяв приборы навигацкие, ехать на берег для обсервации.

Юноша, просняв, кинулся в каюту за квадрантом и картой.

— Господин комиссар Чоглоков! — окликнул Чириков молчаливого офицера, ведающего корабельным хозяйством и продовольственными запасами. — Людям выдайте вдвое рыбы, сухарей и воды да по две чарки вина опосля молебна благодарственного о принятии здешней земли под высокую руку державы Российской. Готовьте бочки. Сыщем удобное для якорного стояния место, где и налиться можно, немедля приступайте к пополнению водяного запаса.

Сделав последние указания капитан слез в шлюпку.

Матросы, зажав ружья в коленях, разобрали весла.

Иерей в подряснике и ушастой шапке, подойдя к борту, благословил отплывающих.

— С богом, друзья, — усаживаясь на корме, напутствовал Чириков. Голос его дрогнул.

Подгоняемая зыбью, шлюпка поплыла к отмели. Матросы гребли, не сводя выжидательных взоров с лица командира: сидя спинами к берегу, они не видели, что там происходило, и были готовы сменить весла на ружья по малейшему знаку Чирикова.

Капитан волновался. Свершалось заветное, чему были отданы его чаяния и дела. Миновало шестнадцать лет с тех пор, когда по воле Петра начался тернистый путь на восток, но Чириков помнил каждую секунду последней встречи с царем-адмиралом. Она осталась в памяти самым дорогим для капитана видением молодости.

... Пронзая острым шпилем морозную мглу январского вечера, возникла мазанковая башня Адмиралтейства, невдалеке от нее, между Морской Академией и

особняком генерал-адмирала Апраксина, небольшой домик на берегу Невы. Подслеповатые фонари тянулись к нему редкой цепью через заснеженный луг.

Сопровождаемые караульным гвардейцем, моряки с трепетом вошли на крыльцо домика. Важный усатый денщик встретил их в полутемном коридоре и, узнав имена, отправился доложить.

Из-за приоткрытой двери зазвучали голоса: мягкий и старческий, флегматичный и властный, прерываемый болезненным кряхтением.

Услышав его, моряки подтянулись.

— Оградя отечество безопасностью от неприятеля, надлежит стараться находить славу государству чрез искусства и науки. Не будем ли мы, Федор Матвеевич, в исследовании такого пути счастливее голландцев и англичан, которые многократно покушались обыскивать берегов американских...

Властный голос умолк.

Денщик распахнул дверь и перед моряками открылся просвет длинной комнаты: озаренный трехсвечными канделябрами стол; за ним, у окна, конторка, заваленная докладами; шахматные квадраты пола; голландские пейзажи на обитых холстом стенах под низким потолком; возле стола знакомые лица Петра и Апраксина.

Стиснув пальцами войлочные треуголки, моряки перешагнули порог комнаты и замерли у стола.

Петр, то и дело кряхтя от боли, — смертельный недуг уже беспощадно изменил его лицо, — радушно сказал:

— Ну, садитесь, господа мореплаватели. А ты, Алексей Чириков, что помышляешь? С охотою яли неволею пристанешь к сему делу? Говори от сердца, знай: честь свою показать и славу отечеству добывать надобно и в морских службах дальних.

— Ваше величество, господин адмирал! — вспыхнув, отвечал Чириков. — Истинному морского флота служи-

телю долгом своим почитать надлежит не токмо баталии, а и проводывание стран незнаемых к умножению и пользе отечества нашего.

— Итенец крылья отрастил, слышь, сваток! — Петр от удовольствия даже подмигнул Апраксину и, растягивая слова, начал читать инструкцию:

— Надлежит на Камчатке или в другом том месте сделать один или два бота с палубами. На оных ботах плыть возле земли, которая идет на nord, и по чаянию, понеже оной конца не знают, кажется, что та земля часть Америки. И для того искать...

... Она была найдена.

Шлюпка, подхваченная накатом, с ходу зарылась килем в отмель.

Капитан, опережая спутников, спрыгнул на влажный песок. Земля заколебалась под ногами, будто палуба шканцев пакетбота. Потревоженная шорохом шагов чернобурая лисица высунула хитрую мордочку из листвы и, задорно тьякнув, подачась обратно. Две голубогрудых сойки, передразнивая ее лай, взмыли над отмелью. Утиный выводок, задевая крыльями листву, неспеша проплыл над капитаном. Кустарник, благоухая, радушно протянул навстречу свои ветви, отягощенные продолговатыми розовыми плодами.

— Ей-ей, малина! — восторженно вскричал боцман, отведав первый дар Большой Земли и радуясь, что нашел на чужбине родную ягоду. — Зрите, братцы, с неусыпным рачением, яко на астадипуше вахту в ночи, — наставлял он, рассылая магросов по берегу. — По за кустами всякие иноземцы немирныя таитья могут. Слыхивал я от Михайлы Неводчикова, что чухчи с Восточнаго носу на расспросныя речи ему поведали. Живут в здешних местах люди с хвостами псовыми, наряжаются в одежонку соболиную, а соболей и лисиц превеликое множество имеют, яко псов на суше камчатской, кормятся ж зверьми морскими да оленями, и часто промеж собою воюются.

— Полно, боцмай, небылицу плесть! — отозвался Чириков. — Пора б знать, что люди на людей схожи, а все прочее для машкарада.

— Алексей Ильич! — донеслось издали.

От шлюпки, размахивая квадрантом, мчался сияющий Елагин.

— Господин капитан! — звонкий голос юноши пресекался от полноты чувств. — Доношу с почтением: широты пятьдесят пять градусов и двадцать одна минута. Обсервовав, полагаю без сомнения, что сушу признать надлежит подлинною Америкою!

Чириков молчал, бессчетно повторяя про себя цифру, названную штурманом. Сбылось! Веками стремились сюда конквистадоры¹ всех стран и, едва достигнув сороковой параллели, уstraшенные непогодами, убирались во-свояси, прикрывая неудачи враньем о сокровищах фантастических земель Гамы, Штатов, Компании. Северные широты Тихого океана непрежнему лежали под властью неведомого. Материк Нового Света был исследован только до мыса Мендосино у Калифорнии. Дальше на тысячи миль простиралась страна огнедышащих ледяных гор и мягкой рухляди, недоступная изнеженным тропиками мореплавателям Западной Европы. Она поджидала иных проводывателей, свободных от предрассудков в космографии, сильных духом и безграничным терпением. Моряки пакетбота «Святый апостол Павел» высадились в преддверии ее.

— Высокоблагородный батюшко наш! — не утерпел боцман. — Дозволь о желанном служителей всех порадовать. Заждались в томлении.

— Погоди. — Чириков нацелился квадрантом на солнце и проверил вычисления Елагина. Обсервация была точной. Пакетбот находился у северо-западных берегов американского материка.

¹ Завоеватели.

— Сожалею о товарищах наших, друзья мои, кои в безвестности держат путь свой, — помедлив, сказал капитан. — Господину командующему Берингу разделить бы с нами ликование по достоинству должно.

Елагин пожал плечами.

— Разлучась, господин командующий не прежний курс избрал ли к земле Гамовой, дни бесценныя сбывая попусту, яко и мы в исканиях той земли?

— Поелику несовершенны карты наши, — назидательно проговорил Чириков, — путь к земле Гамовой пройден не без пользы истине. Познается она не токмо в обретениях земель новых, но столь же полезным исправлением ошибок тех корабельщиков, что, усердствуя языком в балясах, изрядно сочинили басен вредных.

Он кивнул боцману.

Тот, вскинув ружье, выпалил поверх кустов.

Стая нарядных, как радуга, крохотных птичек испуганно вереща, взвилась над отмелью.

И разом, заглушая птичий гомон и ритмичный плеск прибоя, гаркнули в приветственном салюте четырнадцать корабельных пушек. Белесые облака дыма окутали борт и мачты «Святого апостола Павла».

Матросы, сняв шапки, благодарно молились.

Гулкое эхо, взрывая вековечную тишину, понесло по ущельям и горным долинам Нового Света весть о прибытии Колумбов Росских.

Было пятнадцатое июля тысяча семьсот сорок первого года.

ГЛАВА VIII

КАПИТАН-КОМАНДОР СДАЕТ ВАХТУ

... И видит край волнам пловец...

Ломоносов

Луч стремительно рассек тьму и вонзит пыльное острие в изголовье земляного ложа. Струя морозного воздуха ворвалась в затхлую сырость ямы. Обеспокоенный холодом Беринг с трудом приподнял отекавшие веки и увидел похожие на огни погребальных свечей желтые глазки зверька. Просунув пушистую мордочку в щель парусиновой крыши, песец с любопытством уставился на капитан-командора. Тот, вздохнув, отвернулся: было неумолимо пошевелить распухшим языком, раскрыть рот и позвать на помощь.

Так повторялось изо дня в день, из ночи в ночь, на протяжении месяца жизни — угасания в песчаной яме, выкопанной на отмели неизвестной земли. Стоило вахтенному матросу зазеваться, прожорливые песцы норками проникнуть в землянку: их привлекал запах заживо гниющего человека. Отмель и прибрежные террасы кишели ими, как саранчой. Бесчисленными стаями они спускались с гор и, совершая набеги на жилища экипажа флагманского корабля, тащили оттуда все, что могли уволочь: ножи, сапоги, шапки; бесцеремонно, на виду изумленных и разгневанных людей, сталкивали многопудовые камни с бочек, в которых хранилось заготовленное на зиму мясо, и расхищали

его; нападали на моряков при возвращении их с охоты и вырывали из рук куски окровавленных бобровых туш. Ожесточенные служители истребляли песцов сотнями, выкалывали им глаза, сжигали, рубили топорами, но взамен убитых на отмель пробирались тысячи пушистых хищников, и все начиналось сызнова. Беринг не раз среди ночи пробуждался от неистовых воплей матросов, шума драк с песцами в ближних ямах, истошного лая отступающих ворышек и стонов искусанных ими, умирающих от цынги участников экспедиции. Жалобы и проклятия, заглушая монотонный рокот прибоя, неутомимо напоминали капитан-командору о горьком конце вояжа: крушении у скалистых берегов, ошибочно принятых за Камчатку.

Молча внимая ропоту измученных спутников, Беринг не находил для них слов утешения, ибо и сам нуждался в поддержке. Неудачи опустошили его сердце. Ложный путь, избранный на консилие в гавани Авачинского залива, завершился ямой в песчаной отмели; путь роковых ошибок. Теперь, на предсмертном досуге в земляном логове, капитан-командор обращался к слабеющей памяти и, ужаленный мыслями, изнемогая от запоздалого сознания непоправимости истекших событий, вновь болезненно переживал их.

... Полгода миновало с июньской туманной ночи на сорок девятой параллели, когда пути экспедиционных кораблей разошлись навсегда. Под вечер Ильина дня, пятью сутками позже высадки Чирикова на мысу Аддингтона, Беринг привел флагманский корабль на рейд острова Каяк близ Аляски и, равнодушно выслушав поздравления подчиненных, заторопился в обратный рейс. Тщетно адъютант и офицеры уговаривали его зазимовать в Новом Свете. Капитан-командор, в ответ на доводы Стеллера о важности научных наблюдений, только пожимал плечами и упрямо твердил:

— Мы воображаем, что все открыли, и строим воздушные замки; а никто не думает о том, где мы нашли

этот берег? Как еще далеко нам до дому? Что еще может с нами случиться? А берег нам незнакомый, чужой, провианта на прозимовку нехватит...

На рассвете он вышел на шканцы и, узнав, что из ста бочек налиты пресной водой семьдесят, приказал сняться с якоря.

Разбуженные предотходной суетой, офицеры выбежали из кают, однако возражать было поздно: «Святой апостол Петр» уже плыл вдоль американского материка на юго-запад.

Никто не догадывался о замыслах командующего: он вел пакетбот как можно южнее, чтобы повернуть к берегам Камчатки и пересечь океан не раньше, чем достигнет параллели дважды не найденной им земли Гамы.

Вначале все благоприятствовало вояжу. За месяц плавания были открыты и нанесены на карту Евдокеевский архипелаг и остров Стефана.¹ Вокруг пакетбота сновали, резвясь и переплывая проливы, стаи драгоценных бобров и морских котов, сивучей и дельфинов. Затем экспедицию постигло неизбежное. Жизнь в туманной слякоти на палубе, не просыхавшей от волн и дождей, недостаток пресной воды, однообразная пища из солонины и прокисшей рыбы сделали свое дело: на корабле появилась цынга.

Первой жертвой ее пал неутомимый рассказчик-сновидец Никита Шумагин. Он умер на второй день стоянки у восточных островов Алеутской гряды, найденных тридцатого августа. Беринг, увековечив имя матроса, назвал острова Шумагинскими. Распухшее от цынги тело сновидца было отвезено на пустынный берег и погребено в тальниковой чаще.

Острова казались необитаемыми. Заросшие древоидным тальником и высокой пахучей травой, населен-

¹ Из группы Алеутских.

ные испуганными еврашками,¹ лисицами и бобрами, окаймленные траурно мрачными горами, расстилались пустынные луга и долины.

Ночью вахтенные заметили дым костра, а поутру к пакетботу пригребли на кожаных байдарках дикие люди в одеждах из китовых кишек и в остроугольных, размалеванных яркими красками, шляпах из древесной коры.

Алеут с Шумагинских островов в байдарке (1741 г.).
В руках у алеута жезл (калюмет), к которому прикреплена шкурка птицы.

Приняв моряков за посланцев неба, алеуты заклинали их о милости.

Адъютант, радуясь неожиданной встрече, записал в дневник свои впечатления о жителях Шумагинского архипелага:

«... Они среднего роста. Шея коротка, плечи широкия. Волосы длинные, нос и лицо приплющены, глаза как уголь, бороды нет; в том сходны они с обитателями Камчатки и другими туземцами Восточной Сибири.

¹ Сусликами.

Ежели судить и по одеянию их, то американцы сии произошли родом вероятно из Азии. На лицах всякия украшения. У одного воткнута в носу палочка из сланца; у другого вдета кость под нижнюю губю; у третьего такая ж кость во лбу; у четвертаго имеются кости в крыльях носа. Один из них, не выказывая никакого страха, приблизился к боту, вытащил из пазухи какой-то глины цветом железа, помазал ею щеки, воткнул в ноздри траву, взял в руки палку, прикрепил к оной два соколиных крыла и с громким смехом, но без подлинной веселости, что за обряд может быть принято, бросил палку в море пред нашим кораблем. Мы привязали к дощечке две китайских трубки, немного корольков¹ и бросили ему; он взял подарки и взамен их подал нашему толмачу цельную шкурку сокола. Мы опять одарили его малым зеркалом и куском шелку. После того американцы стали гресть к берегу и махали нам, зазывая к себе . . .»

Представлялся удобный случай остаться на зимовку, сохранить жизнь двадцати шести больным цынгой участникам экспедиции и, в исполнение инструкции Адмиралтейств-Коллегии, установить торговые отношения с населением архипелага.

Одержимый мечтой о земле Гамы Беринг не согласился зимовать.

— Проведывать здешнее место — попусту дни терять. — возразил он офицерам и Стеллеру, когда те сослались на инструкцию. — В соколиных крылах выгоды нам не вижу.

Спутники упорствовали.

Капитан-командор неохотно уступил им.

— Взяв ялбот и людей, поезжайте, господин лейтенант, — разрешил он Вакселю. — Расспросите, что за люди и, не мешкая, назад плывите. Путь в Камчатку далек, время позднее.

¹ Бус.

Ваксель и вахтенные матросы съехали на берег.

Алеуты встретили их с почестями, повели под руки в свой стан, угостили китовым жиром и ни за что не хотели отпустить гостей, когда те надумали вернуться к себе.

Не зная, как отвязаться от назойливо-радушных хозяев, лейтенант кинул слова команды гребцам, караулившим ялбот.

Матросы, выручая товарищей, дали вверх залп из мушкетов.

Потрясенные неслыханным треском алеуты грохнулись наземь, а моряки что было сил погребли к пакетботу.

В дождливую штормовую погоду «Святой апостол Петр» покинул бухту и продолжал путь на юго-запад по беспредельному океану, в туманной слякоти, под унылым, вечно затянутым тучами, небом чужих широт.

Шумагинские острова слились с горизонтом.

Дальнейшее принесло несчастье и беды.

Два месяца цынготный корабль носило по воле осенних непогод. Старый штурман Андриян Петрович признался, что за полвека скитаний по морям никогда не испытывал подобных бурь. Люди ополоумели от неистойой качки. Рулевые шли к штурвалу с помощью двух матросов и, сменяясь с вахты, замертво падали на палубу. Двенадцать человек скончались в тяжких мучениях и были выброшены за борт; тридцать четыре моряка потеряли надежду выздороветь. Были на исходе запасы вина, тухлой известковой воды и подгорелых прогорклых сухарей. Ваксель лаконично отметил в шканечном журнале: «... увидя крайнее бессилие, пришли в немалый страх: людей, кои могут ходить, токмо восемь человек, а наверх три человека; а прочие все больны; а воды осталось шесть бочек; а провианта, кроме несколько муки да масла, ничего нет».

Офицеры вновь принялись упрашивать командующего возвратиться в Америку. Прикованный цынгой

к липкой от сырости койке, Беринг был непреклонен: по счислению пакетбот достиг параллели сорок восьмого градуса. Убеденный в близости земли Гамы, капитан-командор запретил менять курс корабля, а на случай счастливого исхода предложил иное: православным — сделать вклад на церковь в гавани Петра и Павла, лютеранам — на кирху в далеком Выборге.

Уносимый дрейфом в неизвестность, корабль блуждал по океану. Проливные дожди насквозь промочили палубу и надстройки; волны гуляли в каютах; гнили и лопались просмоленные струны вант, рвались паруса. Туманная мгла не позволяла определять широту; когда же над седым хаосом засняло холодное ноябрьское солнце, пакетбот дрейфовал в сотнях миль к северу от параллели земли Гамы. Фортуна попрежнему отвергла Беринга.

Наконец, на шестидесятые сутки плавания от Шумагинских островов, над толчеей брызг и пены возникли бурые безжизненные скалы.

Вахтенные, ликуя, разнесли весть по корабельным закоулкам. Отовсюду на палубу выползали умирающие от жажды люди и протягивали сведенные цынгой пальцы к неведомой суше. Стеллер и экспедиционный лекарь вывели шатающегося от слабости капитан-командора. Трясущимися руками он приставил к глазу трубу-трость. Иеромонах, отрывая его от наблюдений, передал предсмертную просьбу трубача и гренадера — зарыть их тела в землю. Капитан-командор обещал. Матросы, чтобы не омрачать общего веселья, перенесли трупы в трюм и прикатали на шканцы припрятанный до поры до времени последний боченок с вином из камчатских трав. Вкруговую обошла служителей заздравная чаша; уныние сменилось шумными изъявлениями радости и надеждами на заслуженный отдых.

Боцманмат Иванов, прозванный Змеем Горынычем за лютость к матросам, охмелев, тянул простуженным басом:

— Возблагодарим, братья, господа бога всевышнего за великую милость к нам. Сие, по разумению моему, подлинно есть Камчатка.

Полуденная обсервация подтвердила догадку боцманмата. По счислению до Авачинского залива было всего сорок миль.

— Тысячи мореплавателей не смогли бы с такою точностью определить достижение своей цели! — гордо изрек Ваксель.

Капитан-командор не разделял его уверенности.

— Суша видимая вовсе не схожа с камчатскою, — тихо ответил он лейтенанту и, опечаленный, спустился в каюту.

Служители проводили его нарастающим ропотом: им не терпелось ступить на землю.

Ваксель, переговорив с корабельным мастером Хитровым и другими офицерами, обратился к морякам с краткой речью:

— Хотите ль вы погибнуть в пучине, как те умершие наши товарищи, или для спасения себя согласны идти к увиденному берегу? Пусть всякий подпишет, как умеет, прошение, которое вручим в собственные руки господину командующему, прося позволения высадиться на оной суше, признанной по счислению Камчаткою.

Моряки безоговорочно подписались, и лейтенант во главе делегации из унтер-офицеров направился к Берингу.

Разгорелся спор. Штурман Андриян Петрович сослался на трудность обсервации после долгого дрейфа и потому не исключал вероятность ошибки в определении места корабля. Стеллер высказал мнение, что перед пакетботом какой-либо неизвестный доселе остров. Ваксель, вспылыв, оборвал адъюнкта и категорически заявил, что возле Восточной Камчатки нет островов. Беринг заколебался. Тогда унтер-офицеры повалились к его ногам, слезно моля не губить людей напрасными

мучениями в море-океане. И капитан-командор, не устояв перед мольбами, вытянул смертный жребий.

Было решено стать на якорь за ближним мысом.

На закате, лавируя при помощи изодранных парусов, корабль почти вплотную подплыл к скалистому берегу. У взморья виднелась серо-желтая полоска отмели. Ослабевающая зыбь лениво покачивала избитый бурями пакетбот. Впервые за два месяца участники экспедиции ощутили себя в безопасности.

А в полночь, едва над паутиной разорванных снастей всплыла багровая луна, из океана ринулись фаланги валов. Якорный канат лопнул, не выдержав их напора. Подхваченный ими, ударяясь днищем о грунт, пакетбот мчался на прибрежные рифы, где сверкала кровосеребристая пена бурунов и таинственно темнели голые скалы. Суеверные служители, приписав беду мертвецам, выволокли из трюма трупы гренадера и трубача и, пользуясь сумятицей, столкнули за борт.

Исполинская волна взметнула корабль на гребень и, пронеся над каменной грядой, швырнула в лагуну у отмели. «Святый апостол Петр» очутился в безвыходной ловушке. Рифы преградили ему обратный путь в океан.

Смерть подвела итог исканиям Беринга. Четырнадцать служителей нашли могилу в бездонной пучине, шестнадцать, в их числе друг и спутник по дальним вояжам — Андриян Петрович Эзельберг, были погребены на отмели, а сам капитан-командор превратился с гниущее от цынги существо, беспомощное и перед воришкой-песцом.

... Зверек давно разгуливал по землянке и, фыркая, тыкал влажный нос в квадранты и книги, носильные вещи и покрытые плесенью ржавчины пистолеты, разбросанные под киотом с неугасимой лампадой.

Горячее дыхание обволокло беззащитного человека. Беринг громко застонал.

Песец отскочил и закружился по яме.

Тотчас вбежал вахтенный матрос и, загнав песка в угол, ловко ухватил его за горло. Зверек отчаянно засучил лапами, хрипло таякнул и подавился лаем. Пушистый хвост, извиваясь, замелькал из стороны в сторону. Пальцы матроса злобно сжимали раздувшееся от предсмертного напряжения горло зверька. Песец высунул розовый, в пене, язык, задрожал всем телом, и затих.

— Кузьма, зови господина корабельного мастера, — попросил Беринг и устало подумал, что недуг вцепился в него, как матрос в неудачника-песца: мертвой хваткой.

Вахтенный, уходя, выбросил зверька наружу. Ценность шкурки никого не интересовала. Каждый из моряков был согласен отдать сотню песцовых шкур за горсть табака или за чарку вина.

Через минуту, морщась от невыносимого запаха, в землянку заглянул Хитров. Седые усы уныло свисали с обветренного морщинистого лица мастера на воротник вывернутой мехом наружу, кое-как шпितой корабельным парусником бобровой шубы; щеки ввалились; глубоко запавшие изнуренные глаза невесело смотрели из-под густых бровей. Только его и Стеллера не коснулось смертоносное жало цынги. Прочие офицеры пластом лежали в соседней яме.

— Посланные для узнания люди возвратились ли? Не приключилось беды какой? — озабоченно справился капитан-командор о матросах, ушедших по его приказу в горы, чтобы ознакомиться с неизвестной землей.

Мастер успокоил командующего:

— Тревожишься прежде срока, Иван Иванович. Ребята — калачи тертые, не сгинут.

Беринг, помолчав, ворчливо пробормотал:

— Велите, Софрон Федорович, убрать стены и крышу. На дворе благодать божья, а тут яко в могиле.

Хитров кликнул служителей. Одетые в тряпье и звериные шкуры люди лениво разметали земляные стены и сняли парусиновую крышу. Море света хлы-

нуло в яму. Негреющее солнце ослепило Беринга. Он на миг смежил веки и, показав служителям кровоточащие, пухлые, как губка, десны, с наслаждением глотнул свежий воздух.

Моряки содрогнулись. Командующий напоминал вырытого из могилы мертвеца, который внезапно ожил к ужасу окружающих. Вши, словно могильные черви, копошились в седых бровях, в спутанной шевелюре и клочковатой бороде, отросшей за месяц лежания в яме. На одутловатых землистого цвета щеках и уродливо распухших руках проступали фиолетовые пятна разложения; живот вздулся; серое от вшей одеяло из бобровых шкур свисало с ног, будто пораженных слоновой болезнью. Ноги были наполовину засыпаны песком. Отвратительная вонь, поднимаясь из ямы, дурманила головы матросов.

Беринг жестоко страдал. Это было заметно по расширенным зрачкам и судорожному подергиванию обескровленных губ. И только; ибо в умирающем теле шестидесятилетнего мореплавателя билось привычное к страданиям сердце. Он переносил их молча, сохранив ясность мышления и твердость духа, зная, что океан житейских невзгод позади.

— Дайте глянуть окрест, — кинул капитан-командор служителям и попытался встать.

Матросы торопливо подхватили его и, поддерживая грузное обмякшее тело, сунули ему за спину узлы с одеждой.

Беринг откинулся на них и, стоя по щиколотки в осыпающейся с ног земле, обвел прощальным взглядом стан смерти.

Вдоль изогнутой отмели, разделяя ее и отлогий склон предгорья, желтели кресты над шестнадцатью холмиками; возле них зияла разверстой пастью могила, выдолбленная в мерзлой земле намедни, когда лекарь сообщил, что ноги капитан-командора поражены антоновым огнем. Вершины далеких гор и террасы прибреж-

ных скал были убраны вышавшим за ночь снегом. Среди пены бурунов высился могильным курганом увенчанный крестом мачты и реи корпус «Святого апостола Петра», выброшенный последним штормом на отмель; за останками пакетбота яро метался между материками студеный океан. Где-то в его просторах, за горизонтом, мерещилась Берингу так и не обретенная земля дона Жуана де Гамы.

Угасающий взгляд капитан-командора безучастно скользнул по удрученным лицам спутников и задержался на поникшем Стеллере.

— Господин адъютант, — позвал старик. — Ежели чем обидел, премного прошу простить грехи мои.

Угрюмый Стеллер подошел к ложу. Обиды, причиненные командующим, не забывались. Самая тяжкая была нанесена в день стоянки у острова Каяк близ Америки; настроенный против адъютанта за его злоречивость, Беринг в первую минуту запретил ему съезжать на берег для научных наблюдений, а впоследствии бесцеремонно прервал их, пригрозив покинуть натуралиста на произвол судьбы, если тот замешкается на острове.

— Иван Иванович, — чистосердечно сказал Стеллер. — Обида нанесена не мне. От тех ваших запрещений потерпела наука; ведь за краткостью пребывания на оной суше природа американская и образ жизни тамошних обитателей узнаны мной недостаточно. О том печалюсь, что побывали мы в Америке токмо ради известия и чтоб привезть американской воды в Азию.

Адъютант заметил покорно страдальческое выражение устремленных на него мутных глаз умирающего и, охваченный жалостью, спохватился.

— Обиды ж моей нет на вас, Иван Иванович.

Он осторожно притронулся к пухлой руке Беринга и, цепеняя, почувствовал податливое, как тесто, рыхлое тело.

— Академия Наук и Сенат, — поспешил он смягчить свою резкость, — рассудят, что нами под вашим смотре-

нием немало сделано: острова разные близ Америки сысканы, коих богатство изрядную прибыль государству принести могут. О чем и репортовать не преминете в скором времени.

Похожая на гримасу улыбка проползла по лиловым губам капитан-командора. Он не принял милостыни.

— В скорое время, — чуть слышно обронил старик, — мне репортовать надлежит господу богу за грехи мои и погибель напрасную экспедичных служителей...

Голос его пресекая. Смертная мука прозвучала в последних словах. Задыхаясь, он зашептал склонившимся над изголовьем офицерам:

— В Сенат и Адмиралтейц-Коллегию репортовать поручаю равноправному товарищу моему в делах экспедичных, господину капитану Чирикову, коль довелось ему в благополучии прибыть в камчатскую гавань... Для того, Софрон Федорович с господином лейтенантом, представьте Алексею Ильичу донесение о вояже и бедствиях наших... Как возвратятся посланные для узнания и ежели сия суша не Камчатка, в чем не имею сомнений, то не терять дней, а построив из досок корабля гукор,¹ плыть в нем к гавани, нареченной именем святых апостол Петра и Павла...

— Софрон Федорович... — Вахтенный матрос потянул мастера за кушак. — На круче людей примечаю.

Хитров обернулся. С крутой скалы на отмель спустились два человека: один на голову ниже другого.

— Михайла с Тимохою! — оглушительно рявкнул боцманмат, признав матросов, ушедших на разведку в горы.

Служители загалдели.

— Иван Иванович... — Мастер нагнулся над ложем. — Посланные для узнания возвратились.

Беринг одобрительно моргнул.

¹ Небольшое парусное судно.

— Зовите, не мешкая.

Хитров рысцей пустился к скалам. За ним скопом двинулись снедаемые нетерпением служители.

Могила капитан-командора Беринга.
Крест, поставленный Российско-американ-
ской компанией. (Фотография
Е. К. Суворова в 1910 г.)

— Братцы!.. Любезные мои!.. — еще издали, часто дыша, на-ходу приговаривал обросший рыжими

кудрями Тимофей Анчegov. — Довелось свидеться!..
Земной поклон...

— Успеешь, Тимоха, отбить. — Отощавший Михаила Неводчиков отстранил слутника и вытянулся перед Хитровым. — Дозвольте репорт чинить, благородный господин Софрон Федорович... Исканиями нашими за седмицу определено: сия суша не матерой берег, но остров. Места безлюдны, зверь непуган, несчетен, с гор кругом суши море-окиан простирается необозримый и несть ему конца-краю... Сбить бы нам лодию из корабельнаго кузова да плыть, поспешая, пока силы есть, к брегам камчатским...

Мастер, хмурясь, оборвал устюжанина:

— О том репортуй господину командующему!

Служители повернули назад и столкнулись с адъюнктом.

Стеллер взволнованно оповестил:

— Господин командующий отбыл в путь вечный. Токмо и успел наказать, чтоб имущество его жене с сиротами в Виборг отвезть. Дважды зевнул он широко на подобие рыбы, вытащенной из воды, и преставился с тихим вздохом.

Моряки, сняв шапки, обступили яму. В ней расплывчато серело искаженное агонией лицо капитан-командора.

Все было кончено.

Капитан-командор Витус Ионас Беринг сдал вахту ошибок и страданий.

Из путевого дневника адъюнкта

Академии Наук Г. В. Стеллера:

«... 1741 года декабря в восьмой день опочил командующий наш... Нет сомнения, что ежели бы он достиг Камчатки, успокоился бы там в теплой комнате и подкреплял себя свежешю пищею, то прожил бы еще несколько лет. Но поелику он должен был переносить голод, жажду, стужу и огорчения, то болезнь, которую

он давно имел в ногах, усилилась, придвинулась к груди, произвела антонов огонь и лишила его жизни...

На другой день похоронили мы прах любезного начальника нашего, предали тело его земле и положили оное в средину между адъютантом его и комиссаром. Пред отплытием с острова, нареченного нами Беринговым, поставили над могилою крест и начали от оного судовое счисление...»

В МЕСТО ЭПИЛОГА
НА БЕРЕГУ МОЙКИ

... Через нас предел наш стал широк
На север, запад и восток ...

Ломоносов

Жарким летним днем, когда столичная знать пребывала на лоне природы за пределами Санкт-Петербурга, на крыльце опрятного флигеля, выходящем в садик на берегу Мойки, беседовали, сидя в креслах, три академика — хозяин дома, одетый в легкий халат и стоптанные туфли — Михаил Васильевич Ломоносов; напротив него застегнутый на все пуговицы чинный историограф Герард-Фридрих Миллер, коего для удобства звали по-русски Федором Ивановичем еще со времени Большой Северной экспедиции, и естествоиспытатель Степан Петрович Крашенинников.¹

Оба ученых пришли к Ломоносову с жалобами на президента Академии наук Шумахера, властолюбивого и ограниченного человека. Тишайший и кроткий Миллер, разведя руками, сообщил, что по распоряжению президента академическая типография закрыта на замок до его возвращения из отпуска, и долголетний труд историографа «Описание царства Сибирского» лежит ненабранным.

¹ Миллер и Крашенинников — участники Большой Северной экспедиции (до отплытия пакетботов к Америке).

— Також и мое «Описание земли Камчатки», — присоединился Крашенинников. — Коль так поведется и впредь, быть ему, яко и прочим донесениям экспедиционным, под спудом архивным.

— Тож иное, — возразил Миллер. — Экспедиция секретна.

— Одначе, — всердцах вскричал Крашенинников, — известие об оной давным давно напечатано в «Cazette de France» заодно с пояснением об ужасной кончине господина Беринга и достижении Алексеем Ильичем Чириковым северо-западных берегов американских! Секретна! — негодуя, повторил он. — Потому пройдохи всякие и тщатся чужую славу загрести. Ведомо ль вам, Михайла Васильевич, что изволил приписать господин Жозеф Делиль на карте вояжа пакетбота «Святый апостол Павел», в Париже напечатанной?

— А что? — заинтересовался Ломоносов.

Крашенинников процитировал на память:

— «Карта открытий, сделанных в плавании к Америке братом моим Людовиком Делилем и капитаном Чириковым...» Вся-то польза от хвастуна парижского в том, что признал он в жителях островных американских людей, подобных обличем тем, коих он видел в Канаде. И сему невежде, скончавшему жизнь свою от кондрашки в камчатской гавани, сочиняют славу, должную принадлежать Чирикову с флотскими служителями...

— Достойный человек Алексей Ильич, — сказал историограф. — И что похвально: большой скромности и души, яко помню его в бытность с экспедициею. Морская служба не могла ожесточить в нем чувствительное сердце. Да вы же сами о том говорили, герр профессор, — обратился он к хозяину.

Ломоносов утвердительно наклонил голову. Встреча с птенцом гнезда петрова ему запомнилась. Она произошла весной в царском дворце на приеме, коим удостоила Елизавета заслуженного моряка. Чириков бес-

Хитростно поведал о злоключениях экспедиции. Картины возникали одна за другой: туманное штормовое море, среди чьих студеных валов блуждал, сбившись с курса, флагманский корабль в обратном рейсе от Аляски, пока не был выброшен на скалы пустынного острова; полузасыпанный осыпающимся песком, умирающий в земляном логове Беринг, запретивший откапывать себя, ибо в земле было легче переносить зимнюю стужу... Чириков лаконично повествовал обо всем, что пришлось пережить морякам, и скромно умолчал о главном: о том, что не слепому случаю обязан своим первенством в открытии Северо-Западной Америки, но точному расчету и навигаторским познаниям. Они помогли ему и безошибочно проложить обратный курс через океан, и благополучно достичь Петропавловского порта сквозь те самые непогоды, кои были гибельными для капитан-командора. Цынга унесла за борт всех офицеров пакетбота, кроме юного штурмана Елагина. С ним и сорока семью служителями вместо семидесяти, едва переждав зиму в камчатской гавани, Чириков отважился начать новое путешествие. Измученный цынгой и чахоткой, он повел пакетбот на восток и, открыв два острова, не подозревая, что на одном из них терпит бедствия экипаж «Святого апостола Петра», повернул назад в надежде свидеться с Берингом на Камчатке. Чаяния были тщетными. Капитан-командор уже покоился в могиле под крестом, воздвигнутым из обломков реи флагманского корабля. Чириков вернулся в Санкт-Петербург и, спустя двадцать два года после аудиенции у Петра, доложил его дочери о подвиге, совершенном русскими людьми, о найденном ими пути через Восточный океан к берегам Нового Света. Императрица, вначале участливо, под конец не скрывая скуки, выслушала моряка и, повелев произвести его в капитан-командоры, вскоре в заботах о придворных балах забыла о нем и открытых землях. Чирикова назначили смотрителем школ при Морской Академии, других участников экспедиции на-

градил чинами и деньгами, а донесения о вояже к Америке упрятали в секретные архивы.

— Господин Чириков — истинный сын отечества. Деяниями его и служителей флота будут восхищаться и потомки наши, — сказал Ломоносов, раскуривая погасший чубук.

— Не в укор многострадальному господину Витусу Берингу, но истины ради, — проговорил историограф, — не ему, но Алексею Ильичу главой надлежало быть в той экспедиции. В бытность мою с нею имел я время наблюдать и дивиться слабости Беринговой. На сих днях разбирал я бумаги покойного адъютанта господина Стеллера и разыскал в них место, в коем аттестация господину Берингу будто с моей списана. Нередко признавался командующий офицерам, что экспедиция свыше его сил, и жалел, почему не поручили исполнения сего предприятия россиянину. И то его мнение резонно: Алексей Ильич Чириков достойным командующим мог быть по праву. Неоднократно подавал он важные советы, по господину Беринг, по слабости характера, более слушал иных советчиков, нежели благоразумного товарища своего. Потому и доказать не умел раздельности Азии с Америкою, хотя плавал к тому проливу меж ними.

— Раздельность материков ныне признана точной по рапорту подштурмана Ивана Федорова и геодезиста Михайлы Гвоздева, — вмешался Крашенинников, — кои в лето тридцать второго года видели в проливе оба берега — Азии и Америки. А без малого веком ранее их, как разузнал доподлинно господин историограф, бывали в проливе прежние наши опытовщики, когда искали реку Анадырь.

— Сказывал про то Федор Иванович. — Ломоносов, привстав, отвесил поклон Миллеру. — Наука премного благодарна вам, господин историограф, за отыскание истины. Отписки казачьи, найденные вами в Якутском архиве, ценности необычайной. По ним судить надлежит,

что россияне первыми мореходами в нордных водах Восточного океана плавали и зело великую задачу решили о раздельности материков. — Он, гордясь и сияя, прибавил: — Семен Дежнев почти земляк мой. От Великого Устюга до Холмогор недалече. А господин Чириков откуда родом?

Академики не знали.

— Степан Петрович, коль приведется повидать, зовите мореплавателя славного пожаловать ко мне. Буду рад сызнава побеседовать.

Крашенинников печально вздохнул.

— Давеча из Москвы письмо с оказией получил. Алексей Ильич на страстной неделе богу душу отдал по крайней слабости здоровья своего, расстроенного чахоткою и цынготною болезнью, отчего зубы у него почти все выпали пред кончиной.

Ломоносов перекрестился.

— Память его у всех, кои знали Алексея Пльича, в забвение не придет, — промолвил историограф. — Заслужил себе честь не токмо искусного и прилежного офицера, но и праводушного человека...

Ломоносов с пылкостью перебил Миллера:

— Не токмо искусного и прилежного офицера честь, но и Колумба Росского, ибо новую славу добыл сей бескорыстный мореплаватель отечеству нашему.

И, проникновенно глядя на собеседников, чуть нараспев произнес найденные экспромтом слова будущей оды:

— Напрасно строгая природа
От нас скрывает место входа
С берегов вечерних на восток.
Я вижу умными очами:
Колумб Российский между льдами
Спешит и презирает рок...
Ни бури, мразом изошренны,
Ни волны, льдом отягощенны,
Против него не могут стать!..

УКАЗАТЕЛЬ ГЛАВНЕЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСПОЛЬЗОВАННОЙ АВТОРОМ

1. *Андреев В.*, Документы по экспедиции капитан-командора Беринга в Америку в 1741 г. «Морской Сборник» № 5 за 1893 г.
2. *Берг Л. С.*, Открытие Камчатки и экспедиции Беринга, из-во Главсевморпути, 1935 г.
3. *Берх В. Н.*, Разные известия и показания о Чукотской земле, «Северный Архив», т. XVIII, СПб, 1825 г.
4. *Берх В. Н.*, Первое морское путешествие россиян, предпринятое для решения географической задачи: соединяется ли Азия с Америкой? и совершенное в 1727. 28 и 29 годах под начальством флота капитана 1-го ранга Витуса Беринга. С присовокуплением краткого биографического сведения о капитане Беринге и бывших с ним офицерах, СПб, 1823 г.
5. *Берх В. Н.*, Жизнеописание первых российских адмиралов, 4 части, СПб, 1831—1836 г.
6. *Бер К.*, Беринг и Чириков, СПб, 1849 г.
7. *Бер К.*, Заслуга Петра Великого по части распространения географических знаний, «Записки Географического общества», III, 1849; IV — 1850.
8. *Вахтин В.*, Русские труженики моря. Первая морская экспедиция Беринга для решения вопроса, соединяется ли Азия с Америкой, СПб, 1890 г.
9. *Веселаго Ф.*, Краткая история русского флота, вып. I, 1893; вып. II, 1895 г.
10. *Виноградов В. В.*, Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX веков, Москва, 1934 г.
11. Выписка из Якутского архива, «Московский телеграф», № 2, 1832 г.
12. *Герье Вл.*, Отношения Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке, СПб, 1871 г.
13. Донесение флота капитана Беринга об экспедиции его к Восточным берегам Сибири, «Записки Военно-Топографического Депо», X, 1847 г.

14. Донесение Стеллера Сенату от 16 XI 1742, «Записки Академии Наук», XV, приложение № 1, 1869 г.
15. Журнал или Поденные записки Петра Великого, ч. I, СПб, 1770 г. ч. II, СПб, 1772 г.
16. *Знаменский С.*, В поисках Японии. Из истории русских географических открытий и мореходства в Тихом океане, главы IV, V, VI, VII и VIII, Благовещенск, 1929 г.
17. Известия о северном морском ходе россиян из устьев некоторых рек, впадающих в ледяное море, для проведения восточных стран, «С.-П. Ведомости», 50—60, 1742 г.
18. «Космография, сиречь описание сего света земель и государств великих», 1670, «Об-во любителей древней письменности», СПб, 1878—1881 г.
19. *Крашенинников*, Описание земли Камчатки, СПб, 1755 г.
20. *Миллер Г.*, Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю, с Российской стороны учиненных, СПб, 1758, январь—ноябрь, «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие».
21. *Нартов А. К.*, Достопамятные повествования и речи Петра Великого, «Русский Архив», 1885 г.
22. *Оглоблин Н.*, Две «скаска» Вл. Атласова об открытии Камчатки, «Чтение в Обществе истории и древностей российских», книга 3, Москва, 1891 г.
23. *Паллас П.*, О российских открытиях на морях между Азией и Америкой», «Месяцеслов исторический и географический на 1781 г.».
24. Памятники Сибирской истории XVIII века, СПб, кн. 1, 1882, кн. II, 1885 г.
25. Подлинное донесение Чирикова Адмиралтейств-Коллегии от 7 XII 1741 г., «Морской Сборник» № 5 за 1893 г.
26. Полное собрание анекдотов о Петре Великом, 2 части, Москва, 1801 г.
27. Петербург в 1720 г., «Русская старина», 1879.
28. *Полонский А. С.*, Первая Камчатская экспедиция Беринга 1725—29 года, «Записки Гидрографического Департамента», VIII, 1850.
29. *Пулягин Е.* История Российского флота в царствование Петра Великого, с английской неизданной рукописи, СПб, 1897 г.
30. Сборник, Русская литература XVIII века, Ленинград, 1937 г.
31. *Сгибнев А.*, Исторический очерк главнейших событий на Камчатке (1650—1856), «Морской Сборник» №№ 4—8, 1869 г.
32. *Сгибнев А.*, Охотский порт с 1649 по 1852 г., «Морской Сборник», №№ 11 и 12, 1869 г.
33. Собрание собственноручных писем Петра Великого к Апраксиным, 2 части, Москва, 1811 г.
34. Сокращенное историческое известие о Камчатке, которое

касается до первого путешествия капитан-командора Беринга, «Месяцеслов на 1736 г.».

35. *Соколов А.*, Беринг и Чириков, «Северная Пчела», №№ 98—99, 1849 г.

36. *Соколов А.*, Северная экспедиция 1733—43 гг., «Записки Гидрографического Департамента», IX, 1851 г.

37. *Соколов А.*, Первый поход русских к Америке, «Записки Гидрографического Департамента», IX, 1851 г.

38. *Соколов А.*, Назначение первой Беринговой экспедиции, «Записки Гидрографического Департамента», IX, 1851 г.

39. Список кораблям и прочим судам всего Российского флота от начала заведения онаго до нынешнего времени, часть I—царствование гос. Петра Великого, собрал к.-а. А.Шишков, СПб, 1799 г.

40. *Стеллер Г. В.*, Из Камчатки в Америку, Приложение к журналу «Вестник Знания», Ленинград, 1927 г. или «Reise von Kamtschatka nach Amerika mit dem Commandeur-capitän Bering», St. Petersburg, 1793 г.

41. *Стренцель*, Русские экспедиции, «Кронштадтский Вестник», №№ 78—127, 1876 г.

42. *Ханьков Д. А.*, Русские былины (памятники отжившей Руси), Москва, 1860 г.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
<i>От автора</i>	5
<i>Глава I.</i> Суд чести	8
<i>Глава II.</i> Птенцы гнезда Петрова	20
<i>Глава III.</i> Прощальная аудиенция	31
<i>Глава IV.</i> Секретный вояж	41
<i>Глава V.</i> Конзилия мореходов	87
<i>Глава VI.</i> Тайна Витуса Беринга	103
<i>Глава VII.</i> Подлинная Америка	114
<i>Глава VIII.</i> М алитан-командор сдает вахту	128
<i>Вместо эпилога.</i> На берегу Мойки	144
Указатель главнейшей литературы	149

—

Редактор Батальонный комиссар *А. И. Корнилов.*

Подписано к печати 22/III 1941 г.	ГМ 145589.	Объем 4 ³ / ₄ печ. л.
6,59 уч.-авт. л.	В бум. листе 96000 знаков.	Заказ № 55.

4-я тип. ОГИЗа РСФСР треста «Полиграфкнига» им. Евг. Соколовой.
Ленинград, пр. Кр. Командиров, 29.